

Артур Конан Дойл Записки о Шерлоке Холмсе

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=139467

*Записки о Шерлоке Холмсе [Текст] / предисл. А. Климова; оформл. серии М. Курдюмова; худож. Н. Калинина: Клуб Семейного Досуга; Харьков; 2012
ISBN 978-966-14-0560-7*

Аннотация

Новые захватывающие приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона! Семейные предания, жажда богатства, тайны, которые нужно во что бы то ни стало сохранить... Знаменитый сыщик раскрывает невероятно запутанные дела и бесстрашно вступает в схватку с величайшим злодеем своего времени.

Содержание

Человек на все времена	5
Серебряный	6
Желтое лицо	20
Биржевой маклер	30
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Артур Конан Дойл

Записки о Шерлоке Холмсе

Перевод с английского:

«The Memoirs of Sherlock Holmes» by Arthur Conan Doyle

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2010, 2012

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2010

* * *

Человек на все времена

Создатель образа великого детектива Шерлока Холмса говорил, что терпеть не может своего героя, называл рассказы о нем «чтивом» и наконец решил отделаться от него. В рассказе «Последнее дело Холмса» он «прикончил» сыщика в схватке со злодеем Мориарти. Но не тут-то было – на писателя обрушился шквал возмущенных читательских писем, за Холмса вступились даже члены королевской семьи, и знаменитого сыщика пришлось «воскресить».

Артур Конан Дойл написал более семидесяти книг. Это рассказы, повести, романы – исторические, бытовые, приключенческие, фантастические, путевые очерки, труды по истории Первой мировой войны, книга воспоминаний и даже стихи.

Молодому Конан Дойлу пришлось взять на себя заботу о семье, и он выбрал карьеру врача. Еще на третьем курсе ему удалось опубликовать несколько рассказов. В 1880 году он провел семь месяцев в арктических водах на борту китобойного судна «Надежда», а еще через два года отправился на борту парохода «Маюмба» к берегам Западной Африки. В 1891 году Дойл решил сделать занятия литературой своей основной профессией.

В качестве хирурга Конан Дойл участвовал в англо-бурской войне. За книгу «Война в Южной Африке» он был удостоен дворянского звания и рыцарского титула. Новую славу писателю принесло так называемое «дело Эдалджи». Молодого выходца из Индии осудили по фальшивому обвинению. Конан Дойл разобрался в тонкостях дела и в серии газетных статей доказал невиновность Эдалджи.

Во время Первой мировой войны погибли сын, брат, два племянника, зять и брат жены Конан Дойла. От страшного потрясения писатель так и не оправился. Единственная книга, написанная им после войны, – автобиография «Воспоминания и приключения сэра Артура Конан Дойла» (1924).

В чем же секрет неслыханной популярности Шерлока Холмса? Прежде всего, в уникальном сочетании благородства и бескорыстия, гуманности и стремления к справедливости, внутренней свободы и дисциплины мысли, огромных знаний. Холмс – живая, цельная личность с богатым воображением и глубокой проницательностью, знаток человеческого сердца. А рядом с ним неизменно находится доктор Ватсон – воплощение здравого смысла и простодушия, настолько же не похожий на знаменитого сыщика, как лед не похож на пламя.

У Конан Дойла нередко спрашивали – кто же он сам, Шерлок Холмс или доктор Ватсон, на что писатель отвечал: ни тот, ни другой по отдельности, но оба вместе.

Артур Конан Дойл считал, что литература должна быть понятной, увлекательной и умной. Даже самым выдающимся авторам не всегда удавалось выдержать все условия. В меру своих сил Конан Дойл следовал всем трем требованиям. Вот почему книги этого блестящего мастера захватывающего сюжета и интриги до сих пор любят и ценят на всех континентах.

Серебряный

– Боюсь, Ватсон, мне придется уехать, – сказал однажды утром Шерлок Холмс, когда мы сели завтракать.

– Уехать? А куда вы собираетесь?

– В Дартмур, в Кингс-Пайленд.

Признаться, меня это вовсе не удивило. До сих пор я терялся в догадках, почему это мой друг не принимает участия в расследовании сенсационного дела, которое взбудоражило всю Англию. В последнее время он только и делал, что расхаживал взад-вперед по нашей гостиной, с хмурым видом глядя в пол и дымя трубой. На любые попытки втянуть его в разговор Холмс просто не обращал внимания. Впрочем, каким бы замкнутым и молчаливым он ни был, я прекрасно понимал, о чем мой друг так напряженно размышляет. В те дни у всех на устах было загадочное исчезновение лошади, считавшейся фаворитом Кубка Уэссекса, и жестокое убийство ее тренера. Так что когда Холмс объявил о своем намерении съездить туда, где развернулась эта драма, я, можно сказать, вздохнул с облегчением.

– Знаете, я бы с удовольствием составил вам компанию, если, конечно, это не помешает вашим планам, – сказал я.

– Дорогой Ватсон, вы окажете мне честь. И я думаю, ваше время не будет потрачено впустую, поскольку дело это представляется мне единственным в своем роде. Мы, кажется, успеваем на вокзал Паддингтон на нужный поезд. Едем, по пути я подробнее расскажу вам о деле. И захватите ваш полевой бинокль.

Вот так и получилось, что уже через час мы с Шерлоком Холмсом сидели в вагоне поезда, который мчал нас в Эксетер. Мой друг углубился в изучение свежих газет, и мне почти не было видно сосредоточенного лица Холмса из-под козырька его дорожного картуза. Мы уже миновали Рединг, когда Шерлок Холмс наконец отправил последнюю газету под сиденье.

– Хорошо едем, – заметил мой друг, поглядывая на часы. – Вы, очевидно, уже наслышаны об убийстве Джона Стрейкера и исчезновении Серебряного?

– Да, я читал об этом в «Телеграф» и «Кроникл».

– Это одно из тех дел, при работе над которыми дедуктивный метод лучше применять для анализа уже известных фактов, чем для поиска новых. Случившаяся трагедия столь необычна и затрагивает интересы такого количества людей, что вызвала целую лавину подозрений и предположений. Самое трудное теперь – вычленить факты из шелухи умозаключений и догадок. Во вторник вечером я получил две телеграммы – от полковника Росса, владельца лошади, и от инспектора Грегори, который ведет это дело. Оба просят меня принять участие в расследовании.

– Во вторник вечером! – воскликнул я. – Но ведь сегодня уже четверг. Почему вы не поехали туда вчера?

– Потому что я совершил грубую ошибку, дорогой Ватсон... Боюсь, это случается чаще, чем думают те, кто судит обо мне по вашим рассказам. Я был уверен, что самого известного в Англии жеребца невозможно так долго скрывать, тем более в сельской местности. Вчера весь день я ждал, что скакуна найдут и его похитителем окажется убийца Джона Стрейкера. Однако сегодня утром мне стало известно, что, кроме ареста молодого Фицроя Симпсона, ничего не было сделано, и я почувствовал, что настало время действовать. Но вчерашний день не прошел зря. По крайней мере, я понял, какие факты в этом деле являются главными. Я перечислю их вам, потому что ничто так не способствует пониманию дела, как рассказ о нем другому человеку.

Я откинулся на подушки и, попыхивая сигарой, стал слушать Холмса, который в общих чертах набросал схему событий, приведших к нашей поездке.

— Конь по кличке Серебряный — потомок знаменитого Сомоми и ни в чем не уступает прославленному предку. Ему пять лет, и он уже несколько раз приносил своему владельцу, полковнику Россу, главный приз на скачках. До того как случилась катастрофа, он считался главным претендентом на Кубок Уэссекса. Серебряный был признанным фаворитом и никогда не подводил своих почитателей, которые ставили на него огромные суммы. В общем, нашлось бы немало людей, которые дорого бы дали за то, чтобы в следующий вторник Серебряный не вышел на дорожку ипподрома.

Разумеется, об этом догадывались и в Кингс-Пайленде, где находится конюшня полковника, поэтому фаворита охраняли очень тщательно. Его тренер, Джон Стрейкер, пять лет прослужил у Росса жокеем, затем семь лет тренером и проявил себя как нельзя лучше. Поскольку конюшня невелика, всего-то четыре лошади, под началом Стрейкера работали только три человека. Один из этих троих дежурил по ночам при лошадях, остальные спали наверху на сеновале. Все они хорошие работники, жалоб на них не было. Джон Стрейкер жил с женой в двухстах ярдах от конюшни на небольшой вилле. Детей у него не было; он держал служанку. Местность вокруг конюшни пустынная, но в полумиле к северу расположено несколько особняков, построенных каким-то подрядчиком из Тависток для инвалидов и тех, кто приезжает подышать чистым дартмурским воздухом. Сам Тависток находится в двух милях к западу от Кингс-Пайленда, а за болотами, также на расстоянии около двух миль, расположена другая конюшня, принадлежащая лорду Бэкуотеру. Тамошнего управляющего зовут Сайлас Браун. Остальная округа — сущая пустыня, где обитает лишь горстка бродячих цыган.

В прошлый понедельник вечером с лошадьми, как обычно, провели тренировку, после чего заперли в конюшне. Двое работников отправились в дом тренера, где они обычно ужинали, а третий, Нэд Хантер, остался при лошадях. В начале десятого Эдит Бакстер, служанка, принесла ему ужин — кусок баранины в остром соусе. Ни капли спиртного — кроме воды, ничего другого дежурному пить не разрешается. Служанка прихватила с собой фонарь, потому что было уже довольно темно.

Эдит Бакстер оставалось пройти каких-нибудь тридцать ярдов, и тут из темноты появился и окликнул ее неизвестный мужчина. Когда он вступил в круг света, отбрасываемый фонарем, служанка увидела, что это солидный господин лет тридцати в сером твидовом костюме и матерчатой шапочке. На ногах у него были гетры, в руке — увесистая трость с набалдашником. Но больше всего Эдит поразили его бледность и озабоченное выражение лица.

«Скажите, где я нахожусь? — спросил мужчина. — Хорошо, что я заметил ваш фонарь, а то я уж решил, что придется спать на голой земле». — «Вы находитесь рядом с конюшней Кингс-Пайленд», — ответила служанка. «В самом деле? Какая удача! — воскликнул он. — Должно быть, там по ночам дежурит кто-нибудь из конюхов, а вы, значит, несете ему ужин? Послушайте, а не хотите ли заработать себе на новое платье? — Он достал из кармана жилета сложенный листок бумаги. — Передайте это конюху — и платье ваше».

Эдит Бакстер испугал вид этого мужчины, поэтому она, обойдя его стороной, побежала к окошку, через которое обычно передавала ужин. Оно было открыто, и Хантер сидел внутри за столом. Служанка начала рассказывать о незнакомце, и тут он появился собственной персоной.

«Добрый вечер, — сказал он, заглядывая в окно. — Я хотел бы с вами побеседовать». Девушка клянется, что в этот момент она заметила у него в руке маленький бумажный пакетик.

«Чего вы хотите?» – спросил конюх. «Хочу предложить вам немного заработать, – ответил мужчина. – На Кубок Уэссекса выставляете двух лошадей, Серебряного и Баярда. Скажите, кто из них, по-вашему, в лучшей форме, и не пожалеете». – «А, так вы явились сюда шпионить! – закричал конюх. – Сейчас я покажу вам, как у нас поступают с такими, как вы!» – Он вскочил и бросился в другой конец конюшни, а девушка побежала к двери, но по дороге оглянулась и увидела, что незнакомец просунул голову в окошко. Однако через минуту, когда Хантер выбежал с собакой на сворке, этого человека там уже не было. Конюх несколько раз обошел здание, но никого не обнаружил.

– Минутку, – перебил я Холмса. – Конюх, выбегая из конюшни, не запер за собой дверь?

– Неплохо, Ватсон! – кивнул мой друг. – Эта деталь тоже показалась мне настолько важной, что я вчера телеграфировал в Дартмур. Нет, конюх запер дверь. К тому же окошко слишком мало, чтобы через него можно было пролезть.

Хантер дождался возвращения ужинавших на вилле конюхов, после чего сообщил тренеру о случившемся. Стрейкера происшествие встревожило, хотя он, похоже, так и не понял его истинного значения. Миссис Стрейкер, проснувшись в час ночи, увидела, что ее муж торопливо одевается и собирается уходить. На ее вопрос он ответил, что беспокоится за лошадей и хочет проверить, все ли в порядке в конюшне. Тем временем пошел дождь, но Стрейкер, несмотря на уговоры жены, надел макинтош и ушел.

Проснувшись в семь, миссис Стрейкер обнаружила, что муж все еще не вернулся. Она оделась, позвала служанку, и они вдвоем отправились на конюшню. Дверь была открыта, внутри, скорчившись на стуле, сидел Хантер, загон фаворита был пуст, а тренера поблизости не оказалось.

Когда разбудили остальных конюхов, те заявили, что всю ночь спали крепко и ничего не слышали. Хантер же явно находился под воздействием какого-то наркотика, поэтому его оставили внутри, а двое мужчин и две женщины выбежали на улицу, чтобы найти пропавших. У них еще оставалась надежда, что тренер почему-то решил в столь ранний час вывести лошадь на тренировку. Однако, поднявшись на холм, с которого видны все окрестности, они заметили нечто такое, что натолкнуло их на мысль о том, что случилась беда.

В четверти мили от конюшни на кусте дрока висел макинтош Джона Стрейкера.

Сразу за кустом находится небольшое углубление, и на его дне лежало тело тренера. Голова Стрейкера была разmozжена ударом какого-то тяжелого предмета, на бедре была рана – длинный порез, нанесенный чрезвычайно острым инструментом. Все указывало на то, что Стрейкер боролся с нападавшими, поскольку в его правой руке был зажат небольшой нож с лезвием, испачканным в крови. В левой руке тренер сжимал красно-черный шелковый галстук, который служанка видела на шее незнакомца, явившегося прошлым вечером. Хантер, придя в себя, также подтвердил, что видел этот галстук. Он уверен, что незнакомец сумел подсыпать через окошко что-то в его ужин, в результате чего конюшня осталась без охраны. В грязи на дне впадины осталось множество конских следов, указывающих на то, что в момент убийства Серебряный был рядом со своим тренером, однако с тех пор его больше никто не видел. За любые сведения о лошади назначено большое вознаграждение, но несмотря на это фаворит как в воду канул. Исследование остатков ужина Хантера выявило содержание большого количества порошкообразного опиума.

Вот такие факты у нас на руках. Теперь я расскажу, какие шаги были предприняты полицией.

Инспектор Грегори, которому поручено это дело, – толковый офицер. Если бы природа одарила его еще и воображением, он мог бы достичь высот в своем деле. Прибыв на место происшествия, он первым делом разыскал и арестовал человека, на которого пало подозрение. Сделать это было несложно, поскольку живет он на одной из тех вилл, о которых я упоминал. Его зовут Фицрой Симпсон, он из приличной семьи, но проиграл все свое состо-

яние на скачках и зарабатывал на жизнь, делая мелкие ставки в букмекерских конторах Лондона. В его записях нашлось подтверждение, что Симпсон сделал несколько ставок против фаворита на сумму пять тысяч фунтов. После ареста он подтвердил, что приходил в Дартмур, чтобы разузнать что-нибудь про лошадей в Кингс-Пайленде и Мейплтоне, где Сайлас Браун держит еще одного фаворита – Десборо. Подозреваемый не отрицает, что вечером накануне убийства вел себя именно так, как рассказали Эдит Бакстер и Хантер, но утверждает, что ничего плохого не совершил, а лишь пытался раздобыть какую-нибудь информацию о лошадях. Когда Симпсону предъявили галстук, он побледнел и не смог объяснить, как галстук оказался в руке убитого тренера. Мокрая одежда указывала на то, что во время ночного дождя Симпсон находился на улице, и его увесистая трость со свинцовой вставкой вполне могла быть тем оружием, которым нанесены удары, раздробившие череп Стрейкера. С другой стороны, на нем самом не было ни царапины, хотя кровь на ноже Стрейкера указывает на то, что он ранил нападавшего. Вот, пожалуй, и все, Ватсон.

Рассказ Холмса, как всегда, четкий и ясный, я выслушал очень внимательно. Хотя большинство фактов мне уже были известны, я все еще не понимал, как связать их друг с другом.

– А что, если Стрейкер, – предположил я, – сам нанес себе рану во время конвульсий, которыми сопровождается травма черепа?

– Вполне вероятно, – сказал Холмс. – И это лишает подозреваемого одного из главных аргументов в его защиту.

– Но все равно мне неясно, какой версии придерживается полиция, – сказал я.

– Боюсь, что ни одна из них пока не может считаться правдоподобной, – вздохнул мой друг. – Полиция, насколько я понимаю, считает, что Фицрой Симпсон каким-то образом получил дубликат ключа от конюшни и, подсыпав наркотик конюху, увел лошадь из стойла, возможно рассчитывая получить за нее выкуп. Уздечка Серебряного тоже пропала, значит, Симпсон надел ее на жеребца, вывел его из конюшни и, не закрыв за собой дверь, повел через поле, где его нагнал тренер. Естественно, произошла стычка. Симпсон ударил Стрейкера по голове тростью, тот пытался защищаться ножом, но безуспешно. После этого похититель спрятал лошадь в укромном месте. Можно также предположить, что во время схватки Серебряный испугался и ускакал, и теперь бродит где-то в полях. Так полиция представляет себе это дело, и любые другие объяснения представляются еще более маловероятными. Но как только мы прибудем на место, я смогу сделать собственные выводы.

Уже начало смеркаться, когда мы прибыли в Тависток, небольшой городок, стоящий посреди Дартмурской равнины. На станции нас встречали двое мужчин: один высокий, голубоглазый, с копной светлых волос, бородой и цепким взглядом, второй – небольшого роста, поджарый, в щеголеватом сюртуке, с бакенбардами и моноклем в глазу. Первый оказался инспектором Грегори, второй – полковником Россом, владельцем конюшни Кингс-Пайленд.

– Я несказанно рад, что вы приехали, мистер Холмс, – сказал полковник, окинув нас внимательным взглядом. – Инспектор уже выбился из сил, пытаясь разобраться в этом деле, но я не остановлюсь ни перед чем, чтобы отомстить за смерть несчастного Стрейкера и разыскать свою лошадь.

– Есть новости? – обратился Холмс к инспектору.

– К сожалению, нет, – развел руками блондин. – Нас ждет коляска, мы можем поговорить по дороге – ведь вы же наверняка захотите увидеть все сами еще до того, как стемнеет.

Через минуту мы вчетвером уселись в ландо, и колеса загремели по мощеным улочкам старинного девонширского города. Сыщик принялся с жаром рассказывать, как продвигается расследование. Холмс слушал его внимательно, лишь изредка перебивая уточняющими вопросами. Полковник Росс надвинул на глаза шляпу и откинулся на спинку сиденья, я же с интересом прислушивался к разговору профессионалов.

– Кольцо вокруг Фицроя Симпсона почти замкнулось, – наконец подвел итог Грегори. – Я практически уверен, что он – именно тот, кто нам нужен. Хотя прямых доказательств у нас по-прежнему нет.

– Что вы думаете по поводу ножа Стрейкера?

– Мы пришли к выводу, что тренер сам ранил себя при падении.

– Если все было именно так, это говорит не в пользу Симпсона.

– Ножа при нем не нашли, сам Симпсон не ранен. Масса улик указывает на его виновность. Во-первых, исчезновение фаворита ему выгодно, во-вторых, он подозревается в отравлении конюха, в-третьих, ту ночь, когда шел дождь, Симпсон несомненно провел на улице. Вдобавок тяжелая трость и галстук в руке убитого. Этого достаточно, чтобы Симпсон предстал перед судом.

Холмс покачал головой.

– Толковый адвокат не оставит от ваших обвинений камня на камне. Зачем Симпсону понадобилось выводить лошадь из стойла? Если он хотел ранить ее, это можно было сделать на месте. У него обнаружен дубликат ключа? Какой аптекарь продал ему опиум? И самое главное: этот человек плохо ориентируется в здешних местах. Где он мог спрятать лошадь? Что Симпсон говорит по поводу бумажки, которую он пытался вручить конюху?

– Утверждает, что это была десятифунтовая банкнота. В его бумажнике действительно нашлась такая купюра. Однако должен возразить: эта местность ему неплохо знакома. Летом Симпсон дважды снимал жилье в Тавистокке. Опиум он, вероятно, привез из Лондона. Ключ ничего не стоит выбросить по дороге, зачем ему лишняя улика. Лошадь же, скорее всего, покоится на дне какой-нибудь заброшенной шахты.

– А галстук?

– Он признает, что это его галстук, но утверждает, что потерял его. Однако мы обнаружили нечто такое, что объясняет, зачем он вывел лошадь из конюшни.

Холмс насторожился.

– В миле от того места, где произошло убийство, в понедельник вечером останавливались цыгане. Во вторник они ушли. Если предположить, что между Симпсоном и цыганами существовал сговор, он вполне мог вести лошадь к табору, когда его настиг Стрейкер. Не исключая, что Серебряный до сих пор у них. Мы прочесали всю равнину в поисках этих цыган. Кроме того, я лично осмотрел все конюшни и хозяйственные постройки в радиусе десяти миль.

– Тут недалеко находится еще и конюшня Мейплтон?

– Да, и это нельзя сбрасывать со счетов. Поскольку жеребец Десборо, принадлежащий лорду Блэкуотеру, считается вторым претендентом на Кубок Уэссекса, и сам лорд, и его управляющий Сайлас Браун заинтересованы в исчезновении Серебряного. Известно, что Браун уже сделал крупные ставки на предстоящий забег, да и со Стрейкером они были не в ладах. Впрочем, мы обыскали хозяйство Брауна, но не нашли ровным счетом ничего.

– И нет никаких доказательств того, что этот Симпсон действовал в интересах конюшни Мейплтон?

– Ни единого.

Холмс откинулся на спинку сиденья и прикрыл глаза. Через несколько минут коляска остановилась у небольшой чистенькой виллы из красного кирпича. Со всех сторон до самого горизонта виллу окружало холмистое поле, желтеющее увядающими травами. Вдалеке виднелась колокольня Тавистока, да несколько небольших строений на западе указывали местоположение конюшни Мейплтон. Мы выпрыгнули из коляски, лишь Холмс остался сидеть, погруженный в размышления. Только когда я коснулся его руки, он вздрогнул и порывисто шагнул на землю.

В глазах своего друга я заметил огонек – явный признак того, что он нащупал нить, хотя я и представить себе не мог, что натолкнуло его на это.

– Может быть, вы хотите сразу отправиться на место преступления, мистер Холмс? – предложил Грегори.

– Я, пожалуй, немного задержусь здесь, хочу кое-что уточнить. Тело Стрейкера, очевидно, принесли сюда?

– Да, оно лежит наверху. Коронер завтра его осмотрит.

– Стрейкер несколько лет прослужил у вас, полковник Росс?

– Да, и я всегда считал его прекрасным работником.

– Надеюсь, вы осмотрели его карманы, инспектор?

– Все вещи, которые были найдены у него в карманах, находятся в гостиной. Можете на них взглянуть.

Мы вошли в дом и расселись вокруг стола в гостиной. Инспектор раскрыл жестяную коробку и высыпал перед нами кучку предметов. Мы увидели коробок восковых свечей, огарок свечи длиной два дюйма, курительную трубку, пол-унции нарезанного полосками плиточного табаку в кисете из тюленьей кожи, серебряные часы на цепочке, пять золотых соколов, алюминиевый футляр для карандашей, несколько бумажек и нож с рукояткой из слоновой кости и очень тонким негнущимся лезвием, на котором стояло клеймо «Weiss & Co., London».

– Интересный нож. – Холмс поднес его к глазам и стал пристально рассматривать. – Очень тонкое лезвие, предназначенное для тонкой работы. Довольно странно, что человек, собираясь ночью идти на конюшню, решил захватить эту вещь с собой. Тем более что нож мог прорезать его карман и выпасть.

– Кончик лезвия был защищен пробковой насадкой, которую мы нашли рядом с телом, – пояснил инспектор. – Жена Стрейкера говорит, что нож лежал на туалетном столике и он прихватил его с собой, выходя из комнаты. Как оружие, он никуда не годится, но лучшего у тренера просто не оказалось под рукой.

– Возможно. А что это за бумаги?

– Эти три листка – оплаченные счета от торговцев сеном. Это – записка с распоряжениями полковника Росса. А вот это – счет на тридцать семь фунтов пятнадцать шиллингов, выписанный модисткой мадам Лезурье с Бонд-стрит на имя Уильяма Дербишира. Миссис Стрейкер говорит, что этот Дербишир был другом ее мужа и его письма порой приходили на их адрес.

– У мадам Дербишир изысканный вкус, – заметил Холмс, просматривая счет. – Тридцать семь фунтов за платье, только подумать! Самое время посетить место преступления.

Когда мы вышли из гостиной, из глубины коридора появилась женщина. На ее бледном лице застыло выражение недавно пережитого ужаса.

– Вы нашли их, инспектор? Поймали? – задыхаясь, проговорила она.

– Нет, миссис Стрейкер. Но из Лондона нам на помощь приехал мистер Холмс, и мы делаем все возможное.

– А ведь я недавно видел вас на одном приеме в Плимуте, миссис Стрейкер! – неожиданно обратился к ней Холмс.

– Нет, сэр. Вы ошибаетесь.

– Я уверен, что это были вы. На вас было серо-голубое шелковое платье, украшенное страусовыми перьями.

– У меня никогда не было такого платья, сэр, – покачала головой леди.

– Ну что ж, должно быть, я ошибся, – сказал Холмс и, извинившись, вышел из дома вслед за инспектором.

Пройдя немного по полю, мы оказались у впадины, на дне которой был обнаружен труп. На самом ее краю рос куст дрока, тот самый, на котором висел макинтош.

– В ту ночь ветра не было, правильно?

– Да, но лило как из ведра.

– Выходит, что макинтош не занесло ветром на куст, он был туда повешен.

– Верно, он был наброшен на ветки.

– Чрезвычайно интересно. И земля здесь основательно утоптана. Несомненно, с понедельника здесь побывало множество людей.

– Вон там, с краю, мы постелили взятую из дома ковровую дорожку и ходили только по ней. Здесь у меня в мешке ботинок Стрейкера и ботинок Фицроя Симпсона. К тому же я прихватил старую подкову Серебряного.

– Дорогой инспектор, вы превзошли себя! – Холмс взял мешок и, спустившись в ложбину, улегся на дорожке и принялся изучать истоптанную грязь. – Ага! – неожиданно воскликнул он. – Что это тут у нас? – Холмс аккуратно извлек из грязи наполовину сгоревшую восковую спичку.

– Не понимаю, как я мог ее не заметить, – озадаченно пробормотал инспектор.

– Неудивительно. Я и сам разглядел ее только потому, что надеялся найти.

– Как! Вы знали, что найдете здесь спичку?

– Я не исключал такой возможности.

Холмс извлек из мешка ботинки и стал сравнивать их подошвы с отпечатками на земле, после чего взобрался на край ямы и принялся ползать между кустами.

– Боюсь, вы больше ничего здесь не найдете, – крикнул ему инспектор. – Я внимательно осмотрел почву в радиусе ста ярдов.

– Что ж, – сказал Холмс, поднимаясь, – действительно, не имеет смысла проделывать это еще раз. Но я бы хотел прогуляться по долине, пока не стемнело, чтобы иметь представление о том, с чем придется столкнуться завтра. А подкову эту я, пожалуй, прихвачу с собой.

Полковник Росс, который до этого молча наблюдал за работой моего друга, нетерпеливо взглянул на часы.

– Инспектор, я бы хотел, чтобы вы вернулись со мной в дом, – сказал он. – Мне необходим ваш совет. В первую очередь меня интересует, должны ли мы вычеркнуть имя нашей лошади из списка участников состязаний...

– Ни в коем случае! – решительно воскликнул Холмс. – Я бы не стал этого делать.

Полковник слегка поклонился.

– Рад был услышать ваше мнение, сэр, – сказал он. – Когда закончите прогулку, приходите к дому несчастного Стрейкера, мы будем ждать вас там.

Полковник и инспектор удалились, а мы с Холмсом не спеша побрели по полю. Солнце уже коснулось крыш Мейплтона, и равнина сплошь окрасилась в красновато-золотистые тона. Однако мой друг не замечал этой красоты, поскольку с головой ушел в раздумья.

– Вот что, Ватсон, – наконец заговорил Холмс. – Оставим пока в покое Джона Стрейкера и его убийцу и попытаемся понять, что произошло с лошастью. Допустим, конь испугался и убежал. Но куда он мог податься? Лошади не могут жить вдали от человека, и, если бы Серебряный оказался на воле, он вернулся бы в Кингс-Пайленд либо направился в Мейплтон. Похитили ли его цыгане? Едва ли. Они не могли не понимать, что продать такую лошадь им не удастся. Похищение Серебряного не принесло бы им ничего, кроме неприятностей.

– Но где же он?

– Я уже сказал: либо в Кингс-Пайленде, либо в Мейплтоне. В Кингс-Пайленде его нет, следовательно, жеребец в Мейплтоне. Примем это как гипотезу и посмотрим, к чему это нас приведет. Видите ту ложину близ Мейплтона? В ночь с понедельника на вторник там

должно было быть очень сыро. Если наше предположение верно, Серебряный там непременно побывал, и можно попытаться найти его следы.

Мы устремились вперед и уже через пару минут вышли к лошине. По просьбе Холмса я пошел по правому краю, а сам он двинулся по левому, однако не успел я пройти и пятидесяти шагов, как услышал его крик и увидел, что Шерлок Холмс машет мне рукой. Прямо у его ног на сырой почве был отчетливо виден след копыта. И подкова, которую он вытащил из кармана, в точности совпала с отпечатком.

– Видите, как важно для сыщика иметь развитое воображение, – усмехнулся Холмс. – Это единственное, чего не хватает Грегори. Пойдемте дальше.

Мы пересекли покрытое грязью дно лощины и около четверти мили шли по сухому дерну, пока земля снова не пошла под уклон и мы снова не увидели отпечатки копыт. Потом следы в очередной раз потерялись, но уже совсем недалеко от Мейплтона мы опять их увидели. Холмс с торжествующим видом указал на землю, где рядом с отпечатком подков виднелись следы человека.

– Но до этого лошадь бежала одна! – недоуменно воскликнул я.

– Совершенно верно. Постойте-ка, а это что такое?

Две цепочки отпечатков круто поворачивали в сторону Кингс-Пайленда. Холмс удивленно присвистнул, и мы двинулись по следу. По чистой случайности я ненадолго отвел взгляд в сторону и, к своему удивлению, обнаружил те же самые следы, но ведущие в другом направлении – к Мейплтону.

– Очко в вашу пользу, Ватсон, – сказал Холмс, когда я указал ему на них. – Если бы не вы, нам пришлось бы гулять еще довольно долго. Идемте-ка по обратному следу.

Однако далеко мы не ушли. Следы обрывались у асфальтированной дорожки, ведущей к воротам конюшни Мейплтон. Как только мы подошли к воротам, навстречу выбежал конюх.

– Нечего тут шляться, проходите, проходите! – прикрикнул он на нас.

– Я просто хочу спросить, – сказал Холмс, многозначительно опустив в карман жилетки два пальца. – Если я загляну завтра в пять утра, смогу я поговорить с вашим хозяином или это слишком рано?

– Какое там рано, сэр, он спозаранку на ногах. Да вот и он, вы лучше у него спросите. Нет-нет, сэр, не надо; если он увидит, что я беру у вас деньги, я тут же лишусь места.

Не успел Шерлок Холмс сунуть обратно в карман полкроны, как из ворот показался немолодой мужчина. В руке он держал охотничью плетъ.

– В чем дело, Доусон? – рявкнул он на конюха. – Нечего болтать с посторонними! Займитесь делом. А вы какого дьявола тут околачиваетесь? Что вам нужно?

– Дорогой сэр, не могли бы вы уделить нам несколько минут? Мы хотели бы с вами поговорить, – промолвил Холмс елейным голосом.

– Нет у меня времени чесать языком с бездельниками. Убирайтесь, или я спущу собаку.

Холмс подался вперед и шепнул что-то на ухо тренеру. Мужчина побагровел, его прямо-таки затрясло от гнева.

– Ложь! – загремел он. – Гнусная ложь!

– Поговорим об этом здесь или все-таки зайдем в дом?

– Ладно, проходите.

Прошло двадцать минут, и Холмс с тренером снова показались из ворот. Никогда еще я не видел, чтобы за столь короткое время человек менялся так, как изменился Сайлас Браун. Лицо его стало пепельно-серым, на лбу блестел пот, плетъ в руках тряслась, как ветка на ветру. Он семенил за моим другом, как собака за хозяином.

– Сделаю! Все сделаю, как вы сказали, – говорил Браун, заискивающе заглядывая Холмсу в глаза.

– Ошибки быть не должно, – сказал Холмс и строго посмотрел на тренера. Тот втянул голову в плечи.

– Нет-нет, как можно! Я буду на месте. Все пока оставить как есть?

Холмс ненадолго задумался и вдруг рассмеялся.

– Оставьте. Я пришлю вам указания. И смотрите, без фокусов, не то...

– Поверьте, я все сделаю!..

– Ну что ж, завтра я с вами свяжусь. – Холмс повернулся, и мы зашагали обратно в Кингс-Пайленд.

– Значит, лошадь все-таки у Брауна? – спросил я.

– Сначала он пытался выкрутиться, но когда я в точности описал ему его действия, он решил, что я видел все собственными глазами. Вы обратили внимание на необычные квадратные носки у тех следов, что мы видели? Его ботинки в точности им соответствуют. Я описал Брауну, как в то утро, встав по обыкновению раньше всех, он заметил чужую лошадь, разгуливавшую по равнине. Приблизившись, по белой отметине у нее на лбу он понял, что в его руки попал Серебряный – единственная лошадь, способная обогнать ту, на которую он поставил. Первым его движением было отвести коня обратно в Кингс-Пайленд, но потом, не совладав с искушением, он решил придержать его до конца состязаний, увел и спрятал в Мейплтоне. После моего рассказа Сайлас Браун думал только о том, как спасти свою шкуру.

– Но ведь его конюшню обыскивали!

– У человека, который столько лет имеет дело с лошадьми, на такой случай наверняка имеются свои приемы.

– А вы не боитесь оставлять здесь лошадь? Он же может с ней что-нибудь сделать.

– Теперь он будет беречь ее как зеницу ока. Браун прекрасно понимает, что надеяться на прощение он может лишь в том случае, если вернет лошадь в целости и сохранности.

– Полковник Росс не производит впечатления человека, способного прощать.

– Не в полковнике дело. Я лицо неофициальное, поэтому сам решу, что ему рассказать. Вы заметили, что полковник разговаривал со мной надменно? Теперь я хочу немного позабавиться. Не говорите ему о лошади. Но все это, конечно же, ерунда по сравнению с главным вопросом: кто убил Джона Стрейкера? Поэтому мы с вами возвращаемся в Лондон вечерним поездом.

Слова моего друга поразили меня как гром среди ясного неба. С какой стати он решил прекратить столь успешно начатое дело? Я был так удивлен, что не проронил ни слова до самого дома Стрейкера. Полковник и инспектор дожидались нас в гостиной.

– Мы с доктором Ватсоном возвращаемся в столицу сегодня вечерним экспрессом, – с порога заявил Холмс.

От удивления глаза инспектора округлились, но полковник лишь презрительно скривил губы.

– Значит, вы поняли, что найти убийцу несчастного Стрейкера вам не удастся?

Холмс неопределенно пожал плечами.

– Здесь есть кое-какие сложности, – сказал он. – Но я склонен думать, что во вторник ваша лошадь выйдет на ипподром. У вас есть фотография мистера Стрейкера?

Инспектор вытащил из конверта карточку и передал ее Холмсу.

– Дорогой Грегори, вы предугадываете мои желания. Если позволите, я оставлю вас на минуту, мне нужно задать один вопрос служанке.

– Должен сказать, я разочарован в нашем помощнике, – проговорил полковник Росс, проводив взглядом Холмса. – По-моему, с его приездом мы не продвинулись ни на шаг.

– Однако он уверен, что ваша лошадь будет участвовать в забеге, – заметил я.

– Это его мнение, – пожал плечами полковник. – Мне было бы спокойнее, если бы конь стоял в своем стойле.

В это время Холмс снова вошел в комнату.

– Итак, джентльмены, – бодро воскликнул он, – теперь я готов ехать!

Когда мы уже уселись в экипаж, один из работников конюшни открыл для нас ворота. Холмс внезапно подался через борт и коснулся рукава конюха.

– У вас в загоне несколько овец, – сказал он. – Кто за ними ухаживает?

– Я, сэр.

– В последнее время с ними не происходило ничего странного?

– Ничего особенного, сэр. Правда, трое начали хромать.

Этот ответ привел Холмса в восторг. Он потер руки.

– Поразительно, Ватсон, удача сама идет к нам в руки! – шепнул он мне и продолжал: – Грегори, советую вам обратить внимание на эту необычную эпидемию. Поехали!

Выражение лица полковника Росса сделалось еще более скептическим, но совет моего друга крайне заинтересовал инспектора.

– Вы считаете, это важно? – спросил Грегори.

– Чрезвычайно. И еще хочу обратить ваше внимание на поведение собаки в ночь преступления.

– Но она вела себя как обычно.

– В этом-то и заключается странность, – заметил Шерлок Холмс.

Спустя четыре дня мы с Холмсом отправились в Винчестер, чтобы посмотреть скачки на Кубок Уэссекса. Полковник Росс встретил нас у вокзала. Он усадил нас в свой экипаж и повез на загородный ипподром. Всю дорогу полковник держался очень холодно.

– О моей лошади до сих пор нет никаких известий, – наконец процедил он.

– Скажите, а вы бы узнали Серебряного, если бы увидели?

– Я двадцать лет занимаюсь лошадьми, но первый раз слышу подобный вопрос, – взорвался полковник. – Даже ребенок узнал бы его по белому лбу и темному пятну на передней правой ноге.

– А какие ставки?

– Творится неладное. Вчера еще были пятнадцать к одному, но затем начали падать, теперь, может быть, уже и трех к одному не будет.

– Хм, – Холмс почесал подбородок. – Значит, кому-то что-то известно.

Когда экипаж подкатил к ограждению трибуны, я взглянул на доску со списком участников состязаний. Вот что я прочел:

Кубок Уэссекса

Главный приз – 1000 соверенов плюс 50 соверенов за каждые дополнительные 100 футов.

Второй приз – 300 фунтов.

Третий приз – 200 фунтов.

Дистанция одна миля пять фарлонгов. Участвуют жеребцы четырех и пяти лет.

Участники:

Негр. Владелец – мистер Хит Ньютон. Жокей – красный шлем, коричневый камзол.

Боксер. Владелец – полковник Уордлоу. Жокей – розовый шлем, синечерный камзол.

Десборо. Владелец – лорд Бэкуотер. Жокей – желтый шлем, желтые рукава.

Серебряный. Владелец – полковник Росс. Жокей – черный шлем, красный камзол.

Ирис. Владелец – герцог Балморал. Жокей – желтые и черные полосы.

Упрямец. Владелец – лорд Синглфорд. Жокей – фиолетовый шлем, черные рукава.

Прервав молчание, полковник произнес:

– Мы понадеялись на ваше слово и не стали выставлять другую лошадь... Погодите, что это? Серебряный – фаворит?

– Пять к четырем на Серебряного! – неслось с трибун. – Пять к четырем на Серебряного! Пять к пятнадцати на Десборо!

– На старте подняли номера! – воскликнул я. – Все шесть лошадей на дорожке.

– Все шесть? Так что же, моя лошадь участвует? – заволновался полковник. – Но я не вижу там Серебряного!

– Разве это не он?

Как только я произнес эти слова, мимо нас проскакал мощный гнедой жеребец, неся на себе жокея, одетого в красное и черное, в цвета полковника Росса.

– Это не моя лошадь! – вскричал хозяин скакуна. – На этом животном нет ни одной белой шерстинки. Что вы затеяли, мистер Холмс?

– Не волнуйтесь, давайте лучше понаблюдаем за скачкой, – невозмутимо отвечал мой друг, глядя в мой бинокль. – Превосходно! Отличный старт! Сейчас они покажутся!

Из нашего экипажа было прекрасно видно приближающихся лошадей. Все шесть скакунов шли ноздря в ноздю, но примерно с середины дистанции вперед вырвался Десборо. Однако почти сразу его стремительным броском обошел жеребец полковника. Он первым достиг финиша, обогнав главного соперника на добрых шесть корпусов. Ирис герцога Балморала с большим отрывом пришел третьим.

– Главный приз мой, – задохнулся полковник. – Клянусь, я ничего не понимаю. Мистер Холмс, не пора ли вам объяснить, что здесь происходит?

– Разумеется, полковник, скоро вы все узнаете. Давайте все вместе сходим взглянуть на победителя.

– Вот он, – сказал Холмс, когда мы вошли в паддок, где имеют право находиться только владельцы лошадей и их друзья. – Протрите ему морду и правую переднюю ногу спиртом и убедитесь, что перед вами Серебряный.

– Всемогуший Боже!

– Я нашел его у вора и решил выпустить лошадь на ипподром в том виде, в каком ее сюда доставили.

– Дорогой Холмс, вы просто волшебник! Лошадь выглядит совершенно здоровой, никогда в жизни она не бегала так, как сегодня. Примите мои извинения за то, что я сомневался в ваших способностях. Но я буду благодарен вам еще больше, если вы сумеете найти и убийцу Джона Стрейкера.

– Это уже сделано, – как ни в чем не бывало заявил Холмс.

Мы с полковником ошеломленно уставились на него.

– Вы... нашли убийцу? И где же он?

– Здесь.

– Где?

– Стоит прямо передо мной.

Щеки полковника вспыхнули.

– Я очень обязан вам, мистер Холмс, – сказал он. – Однако то, что вы сейчас говорите, я воспринимаю либо как неудачную шутку, либо как оскорбление.

Шерлок Холмс рассмеялся.

– Уверяю вас, полковник, мне и в голову не приходило считать вас причастным к преступлению, – сказал он. – Настоящий убийца стоит за вашей спиной.

Он сделал шаг вперед и положил руку на холку чистокровного скакуна.

– Серебряный! – в один голос вскричали мы с полковником.

– Да, убийца – этот конь. Но его вину смягчает то обстоятельство, что он был вынужден защищаться, а Джон Стрейкер оказался человеком, не заслуживающим доверия... О, кажется, начинается второй заезд! Я сделал кое-какие ставки и надеюсь немного выиграть, поэтому ненадолго отложим объяснения.

В тот же вечер мы втроем отправились в Лондон. Удобно устроившись в пульмановском вагоне, мы приготовились выслушать рассказ Шерлока Холмса о том, что произошло в Дартмуре в ночь с понедельника на вторник и каким образом ему удалось распутать это дело. И честно признаюсь – нам с полковником путешествие показалось удивительно коротким.

– Сразу скажу, – начал Холмс, – что представление об этом деле, которое возникло у меня на основании газетных статей, оказалось неверным. И это моя вина – я не сумел свести воедино значимые факты, скрывавшиеся под ворохом ненужных подробностей. Я отправился в Девоншир с убеждением, что преступление совершил Фицрой Симпсон, хотя прямые доказательства его вины отсутствовали. Лишь когда мы подъезжали к дому тренера, я вдруг понял, какую роль играет баранина в соусе. Помните, как я остался в экипаже, когда все вышли? В ту минуту я размышлял над тем, почему упустил столь очевидную улику.

Это было первое звено цепочки. Порошок опиума не безвкусен. Если добавить его в пищу, человек почувствует это и, скорее всего, не станет есть. Соус карри – как раз та приправа, которая может скрыть привкус опиума. Невозможно представить, чтобы Фицрой Симпсон, человек совершенно посторонний, сумел подстроить так, чтобы в тот вечер в семье тренера подавали баранину с карри. Таким образом, он выпадает из круга подозреваемых. Стрейкер и его жена – единственные люди, которые могли сделать так, чтобы в тот вечер на тарелках конюхов оказалась баранина, приправленная карри. Опиум же был добавлен только в тарелку, предназначенную для того, кто остался дежурить в конюшне. А кто имел доступ к этой тарелке до того, как ее взяла в руки служанка?

Еще не имея ответа на этот вопрос, я задумался над тем, почему в тот вечер собака вела себя спокойно. Благодаря происшествию с Симпсоном мне было известно, что в конюшне держали собаку, которая даже не залаяла, когда из стойла выводили лошадь, иначе конюхи, спавшие на сеновале, услышали бы ее. Но почему? Потому что похитителем Серебряного был человек, которого собака хорошо знала.

Я был почти уверен, что именно Джон Стрейкер явился той ночью в конюшню и увел коня. Но с какой целью? Очевидно, с преступной, иначе зачем ему было подсыпать опиум своему конюху? Однако я не понимал, что именно задумал Стрейкер. Известны случаи, когда тренеры зарабатывали большие деньги, делая ставки против своих же лошадей и не давая им победить. Для этого существует немало способов. Что было на уме у Стрейкера? Я рассчитывал, что пойму это с помощью содержимого его карманов.

Так и вышло. Помните необычный нож, который был зажат в руке покойного? Ни одному разумному человеку не придет в голову защищаться таким ножом. Подобные инструменты используют в хирургии для тончайших операций. И той ночью его тоже собирались использовать по назначению. Вам, полковник, должно быть известно, что достаточно сделать небольшие подкожные надрезы сухожилий на бедрах лошади, чтобы животное начало

прихрамывать. Все сочли бы это следствием растяжения, полученного во время тренировок. Никому не пришло бы в голову заподозрить злой умысел.

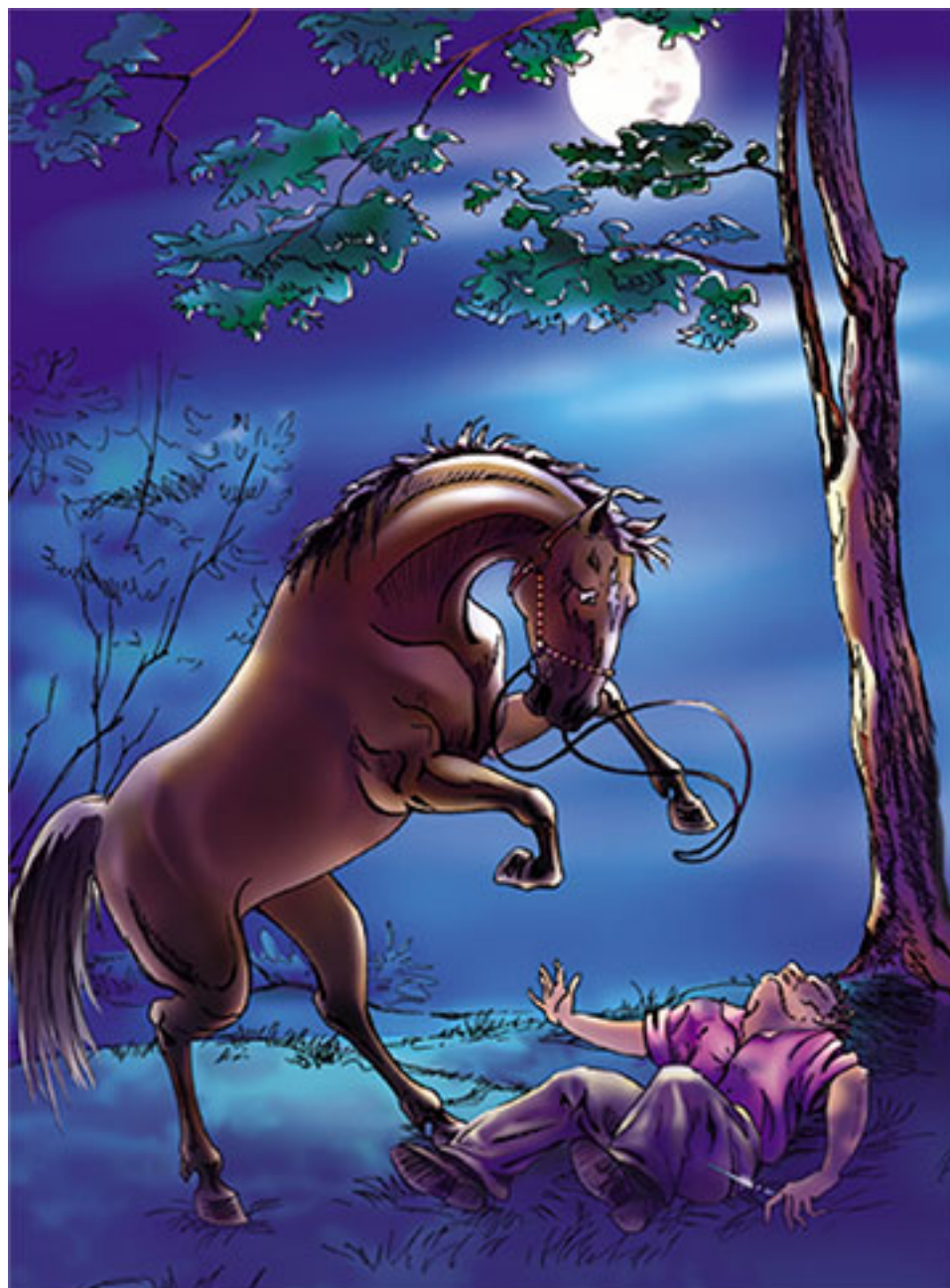
– Каков мерзавец! – не сдержался полковник.

– Теперь у нас есть объяснение, зачем Стрейкеру понадобилось выводить коня ночью в поле. Такой горячий жеребец, как Серебряный, наверняка разбудил бы ржанием конюхов, если бы почувствовал укол ножа. Необходимо было отвести его подальше от конюшни.

– Как я не догадался?! – схватился за голову полковник. – Вот зачем Джону понадобилась свеча и спички.

– Верно. Однако содержимое карманов Стрейкера подсказало не только способ, которым он хотел совершить преступление, но и его мотивы. Большинство людей не носят у себя в карманах чужих счетов. Из этого я сделал вывод, что Стрейкер вел двойную жизнь, и в этом была замешана женщина из тех, что привыкли жить на широкую ногу. Как бы хорошо вы ни относились к своим работникам, вряд ли им по карману покупать своим возлюбленным наряды ценой в тридцать с лишним фунтов. Я осторожно расспросил миссис Стрейкер об этом платье, убедился, что к ней оно не попадало, и запомнил адрес модистки. У меня не было сомнений, что если я наведаюсь к ней с фотографией Стрейкера, про загадочного мистера Дербишира можно будет забыть навсегда.

В тот день все стало окончательно ясно. Стрейкер отвел лошадь в лощину, чтобы никто не заметил света его свечи. По пути он подобрал галстук, который потерял Симпсон, удиравший от конюха с собакой. Вероятно, Стрейкер хотел связать галстуком ноги жеребца. На дне лощины он остановился позади коня и зажег спичку. Животные каким-то образом чувствуют приближение опасности, но возможно, что Серебряного испугала неожиданная вспышка. Жеребец рванулся с места, и его заднее копыто с железной подковой угодило Стрейкеру в лоб. До этого, несмотря на дождь, тренер снял с себя макинтош, который мог помешать ему произвести тонкую операцию. В момент падения Стрейкер полоснул себя ножом, и на его бедре остался глубокий порез.

– Изумительно! – воскликнул полковник.

– Не обошлось и без вмешательства случая. Мне вдруг пришло в голову, что такой хитрый человек, как Стрейкер, перед тем как произвести тонкую операцию на сухожилиях, должен был попрактиковаться. Но на ком? Я заметил овец, задал вопрос конюху и, к своему удивлению, получил подтверждение своей догадки. Вернувшись в Лондон, я нанес визит модистке, которая узнала в Стрейкере своего постоянного клиента, чья жена обожает модные туалеты. Эта женщина и заставила Стрейкера надеть долгов и толкнула на бесчестный поступок.

– Вы объяснили все, кроме одного, – сказал полковник. – Где все это время находился Серебряный?

– А он убежал. Его обнаружил один из ваших соседей. Все это время он держал коня у себя, но я думаю, мы можем простить ему это преступление... Если не ошибаюсь, мы подъезжаем. Каких-нибудь десять минут, и мы будем на вокзале Виктория. Полковник, а не выкурить ли нам с вами в оставшееся время по сигаре?

Желтое лицо

Публикуя эти короткие очерки о странных, порой драматических событиях, свидетелями которых и даже участниками становились мы с моим другом, я, естественно, чаще останавливаюсь на его успехах, чем на поражениях. Однако иногда случалось, что Холмс совершал ошибку, а правда так или иначе всплывала на поверхность. В моем архиве хранятся записи о пяти-шести подобных делах, и та история, которую я собираюсь рассказать, — из их числа.

Шерлок Холмс редко занимался физическими упражнениями ради тренировки. Мало кто мог сравниться с ним в силе мышц, и он был, несомненно, одним из лучших боксеров в своем весе. Но не имеющее определенной цели напряжение всегда казалось ему пустой тратой энергии, и он редко проявлял активность, когда в его поле зрения не оказывалось какое-либо интересное дело. При этом более неутомимого человека, чем мой друг, мне встречать не приходилось. Удивительно, что ему удавалось держать себя в такой прекрасной форме, поскольку питался Холмс умеренно и жил скромно, если не сказать по-спартански.

Как-то ранней весной, в один из таких периодов вынужденного безделья, мы с Холмсом отправились на прогулку в парк. Часа два мы бродили по дорожкам, почти не разговаривая, как и подобает двум мужчинам, превосходно знающим друг друга. Было уже почти пять, когда мы вернулись на Бейкер-стрит.

— Прошу прощения, сэр, — сказал лакей, открывая дверь. — К вам приходил джентльмен. Холмс укоризненно покосился на меня.

— Вот вам и прогулки, — с досадой обронил он. — Этот джентльмен уже ушел?

— Да, сэр.

— А вы не предложили ему подождать?

— Да, сэр, и он ждал вас около получаса. Только джентльмен этот оказался очень нервным. Войдя в дом, он принялся бегать из угла в угол, а иногда останавливался и топал ногой. Я стоял у двери, сэр, и все слышал. Потом он вышел в коридор и закричал: «Этот господин собирается когда-нибудь возвращаться?» «Сэр, подождите еще немного, он скоро будет», — говорю я ему. А он: «Уж лучше я подожду на свежем воздухе. Я скоро вернусь». После этого он ушел.

— Ну что ж, вы сделали все, что могли, — сказал Холмс, и мы направились в гостиную. — Вот ведь не повезло, Ватсон. Самое время заняться каким-нибудь делом, а у этого человека, судя по его поведению, дело нешуточное. Но что я вижу! Должно быть, нервный джентльмен забыл у нас свою трубку — и очень недурную. Головка из верескового корня, с отличным янтарным мундштуком, — такая стоит семь с половиной шиллингов, не меньше. Похоже, наш гость и в самом деле очень волновался, если забыл вещь, которой так дорожит.

— Откуда вам известно, что он ею так уж дорожит? — поинтересовался я.

— Видите ли, Ватсон, эту трубку дважды чинили — один раз головку, второй раз мундштук. В обоих случаях были наложены серебряные стяжки. Каждая из этих починок стоит больше, чем сама трубка. Раз человек решает отдать трубку в ремонт, вместо того чтобы купить за те же деньги новую, значит, он ею дорожит.

Холмс поднял трубку и постучал по ней указательным пальцем, как профессор, демонстрирующий студентам-медикам кость.

— Ничто не может рассказать о человеке больше, чем его трубка, — сказал Холмс. — Разве что часы и шнурки. Хозяин этой — человек крепкого телосложения, левша, имеет прекрасные зубы, несколько небрежен и далеко не беден.

Мой друг сообщил это как бы между прочим, но я заметил, как он поглядывает на меня — слежу ли я за его рассуждениями.

– Вы считаете, что если человек курит трубку за семь шиллингов, это говорит о том, что он богат? – спросил я.

– В чашечке – остатки табачной смеси, которую торговцы называют «гросвенор» и берут за нее по восемь пенсов за унцию, – сказал Холмс, высыпав на ладонь немного содержимого трубки. – Можно найти отличный табак, который стоит в два раза дешевле, следовательно, экономить ему не приходится.

– А как вы догадались об остальном?

– Он имеет обыкновение прикуривать от ламп и газовых рожков. Как видите, трубка обожжена с одной стороны. След этот на правой стороне трубки, из чего я заключаю, что курильщик – левша. Попробуйте сами прикурить от лампы, и вы, правша, поднесете трубку к огню левой стороной. Далее мы видим, что мундштук прокушен. Только сильный человек с крепкими зубами способен на такое... Если я не ошибаюсь, это как раз его шаги на лестнице. Сейчас мы увидим объект более интересный для исследования, чем трубка.

В следующую секунду дверь распахнулась и в комнату вошел рослый молодой человек. На нем был темно-серый костюм, в руке он держал коричневую широкополую фетровую шляпу. Я бы дал ему лет тридцать, но на самом деле он был немного старше.

– Прошу прощения, – смутился он. – Наверное, я должен был постучать. Конечно же, нужно было постучать, но я немного расстроен, поэтому прошу меня простить.

Он быстро провел рукой по лбу и опустил на стул. Хотя следовало бы сказать «рухнул».

– Я вижу, вы уже несколько суток не спали, – сочувственно сказал Холмс. – Это выматывает больше, чем работа. Чем я могу вам помочь?

– Мне необходим совет, сэр. Я не знаю, что делать, моя жизнь погибла.

– Вам нужна консультация сыщика?

– Не только. Вы – умный человек, и меня интересует ваше мнение... Мнение человека, знающего жизнь. И я очень надеюсь, что вы мне поможете.

Говорил он быстрыми и отрывистыми фразами, и мне показалось, что речь дается ему с трудом.

– Видите ли, это глубоко личное дело, – начал наш посетитель. – Не так уж приятно... нет, это просто ужасно, когда приходится обсуждать поведение своей жены с людьми, которых видишь первый раз в жизни! Но мне просто необходимо с кем-то посоветоваться.

– Дорогой мистер Мунро... – проговорил Холмс. При этом наш гость вскочил со стула.

– Как! Вы знаете мое имя?! – вскричал он.

– Если вы хотите сохранять анонимность, – улыбнулся Холмс, – советую отказаться от привычки писать свое имя на подкладке шляпы. Мы с моим другом слышали немало таких вещей и многим сумели помочь восстановить душевное равновесие. Я вижу, ваше дело не терпит отлагательств, поэтому советую начать прямо с фактов.

Наш посетитель снова схватился за лоб, словно перед ним стояла трудная задача. Каждое движение выдавало в нем человека замкнутого, необщительного, с обостренной чувствительностью, привыкшего скорее скрывать свои раны, чем выставлять их напоказ. Неожиданно он с отчаянным видом махнул рукой и приступил к рассказу.

– Вот вам факты. Я женат. Уже три года. Все это время мы с женой жили счастливо и любили друг друга так крепко, как только могут любить друг друга мужчина и женщина. Мы с ней даже ни разу не поспорили, у нас во всем царила гармония. Но начиная с прошлого понедельника между нами как будто выросла стена. Мне кажется, в жизни моей жены появилось что-то не известное мне. Мистер Холмс, она на глазах превращается в совершенно незнакомую мне женщину. И я хочу знать, в чем тут дело. Эффи любит меня всем сердцем так, как никогда раньше не любила, я это чувствую. Но у нее есть тайна... И пока я не выясню, в чем дело, у меня на душе будет лежать камень.

– Ближе к делу, мистер Мунро, – нетерпеливо сказал Холмс.

– Когда я впервые встретил Эффи, она была вдовой, хотя ей едва исполнилось двадцать пять. Тогда она носила другую фамилию. В ранней юности Эффи уехала в Америку и жила в Атланте. Там она вышла замуж за мистера Хэброна, адвоката с хорошей практикой. У них родился сын, но эпидемия желтой лихорадки унесла жизни и ребенка, и мужа. Я видел свидетельство об их смерти. После этого оставаться в Америке Эффи не могла. Она вернулась в Англию и поселилась у своей тетушки, старой девы, в местечке Пиннер, это в Мидлсексе. От мужа Эффи досталось около четырех с половиной тысяч фунтов, которые были им удачно вложены и приносили семь процентов в год. Когда я познакомился с нею, она прожила в Пиннере всего полгода. Мы полюбили друг друга и через несколько недель поженились.

Сам я торгую хмелем, мой доход составляет семьсот-восемьсот фунтов, и денег нам хватает. Мы сняли славную виллу в Норбери – она похожа на уютный сельский домик, хотя и находится рядом с городом. Выше на холме расположен постоянный двор и еще два дома; за полем, которое примыкает к нашей вилле, стоит коттедж. Вот и все наши соседи. На полпути к вокзалу есть еще дома. По делам мне иногда приходится уезжать в город, но летом у меня меньше работы, так что все свое время я провожу с женой, и каждая минута доставляет нам настоящее счастье. Так было до тех пор, пока все это не началось...

Мне нужно кое-что вам сообщить, прежде чем рассказывать дальше. Когда мы поженились, жена переписала все свое имущество на мое имя... Я был против, но она настаивала, и мы договорились, что я буду как бы ее банкиром и в любую минуту выдам ей сколько потребуется.

«Джек, – однажды сказала она, – когда мы подписывали документы, ты говорил, что я могу взять из этих денег любую сумму». – «Ну конечно, – ответил я. – Это ведь твои деньги». – «Что ж, – произнесла тогда Эффи. – Мне нужно сто фунтов».

Я опешил, так как полагал, что она хочет купить новое платье или что-нибудь в этом роде.

«Господи, зачем тебе столько?» – спросил я. «Ах, – сводя разговор к шутке, сказала Эффи, – ведь ты говорил, что будешь моим банкиром, а банкиры не должны расспрашивать своих клиентов!» – «Конечно же, ты получишь деньги, – сказал я. – И все-таки зачем они тебе понадобились?» – «Когда-нибудь узнаешь, Джек, – улыбнулась она, – но только не сейчас».

Мне пришлось удовлетвориться таким ответом. Я выписал Эффи чек и больше об этом не вспоминал.

Я уже говорил, что недалеко от нашего дома стоит коттедж. Нас от него отделяет поле, но, чтобы добраться до коттеджа, нужно сначала пройти по мощеной дороге, потом свернуть на проселок. За коттеджем небольшой сосновый лесок. Я люблю гулять в лесу и частенько бываю там. В последние восемь месяцев коттедж – красивое двухэтажное здание старой архитектуры – пустовал, вокруг него все поросло жимолостью. Я не раз останавливался там, размышляя, как здорово было бы поселиться в таком живописном месте.

В прошлый понедельник я решил прогуляться к бору, и на проселке мне попался навстречу пустой фургон. Дойдя до коттеджа, я увидел, что у крыльца на траве лежат домашние вещи, ковры, какие-то тюки. Я решил, что дом наконец-то сдан жильцам, и пошел дальше, думая о том, что за люди поселятся рядом с нами. Подняв голову, в одном из верхних окон коттеджа я заметил лицо.

Не могу объяснить, что было не так с этим лицом, мистер Холмс, но при виде его у меня по спине поползли мурашки. Я не мог разобрать черты, но только оно показалось мне каким-то нечеловеческим. Я решил вернуться, чтобы получше рассмотреть того, кто за мной наблюдал, но едва сделал пару шагов, как лицо исчезло – будто растворилось в темноте. Я не понял, кто это был, мужчина или женщина, но больше всего меня поразило цвет лица. Оно

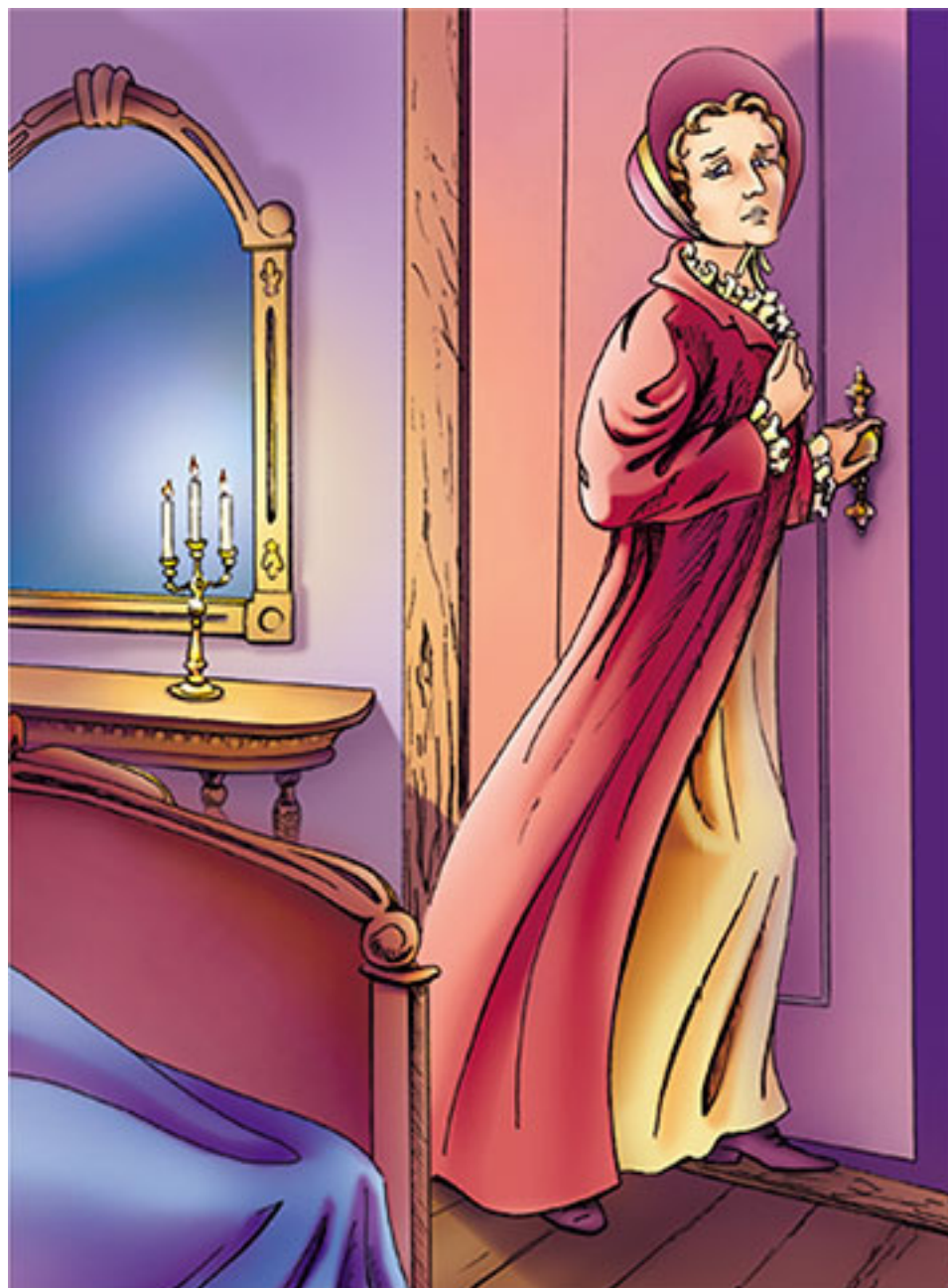
было совершенно желтым и неживым. Меня это так беспокоило, что я подошел к дому и постучал. Дверь открыла высокая худощавая женщина с неприветливым лицом.

«Что вам нужно?» – спросила она. «Я ваш сосед, – сказал я и кивнул в сторону своего дома. – Увидел, что вы только что приехали, и решил, что если вам нужна помощь...» – «Если вы нам понадобится, мы вас позовем», – отрезала она и захлопнула дверь.

После такого ответа всякое желание гулять у меня пропало, я повернулся и отправился домой.

Весь вечер, как ни старался я отвлечься, мои мысли возвращались к лицу в окне и к странной грубости женщины. Я решил ничего не говорить жене о видении в окне, потому что Эффи очень впечатлительная женщина. Но о том, что в коттедже новые жильцы, я рассказал ей перед сном. Она никак на это не отреагировала.

Обычно я сплю как убитый. Но в ту ночь (должно быть, необычное происшествие на меня все-таки подействовало) я спал не так крепко, как всегда. Сквозь сон я почувствовал какое-то движение в комнате. Приоткрыв глаза, я увидел, что моя жена, полностью одетая и в шляпке, застегивает на себе плащ. Это меня удивило, я уже хотел было спросить у нее, куда она собралась в такую рань, но тут сквозь полуопущенные веки увидел ее лицо, освещенное свечой. На нем было такое выражение, какого я никогда раньше не видел. Эффи была бледна как смерть, часто дышала и украдкой поглядывала на кровать, проверяя, не проснулся ли я. Наконец она бесшумно выскользнула из комнаты, и через секунду я услышал скрип входной двери. Я приподнялся и достал из-под подушки часы. Было три часа ночи. Что моя жена могла делать в три часа ночи на пустынной дороге?

Двадцать минут я просидел на кровати, пытаюсь что-нибудь понять или найти объяснение увиденному. Но чем больше я размышлял, тем более необъяснимым казалось мне поведение жены. Я еще терялся в догадках, когда снова скрипнула дверь и на лестнице раздались шаги.

«Где ты была, Эффи?» – спросил я, когда жена вошла в спальню.

Услышав мой голос, она испуганно вскрикнула. Ее испуг встревожил меня куда сильнее, чем все остальное, потому что за ним стояло чувство вины. Эффи всегда была искренней, открытой, поэтому, когда я увидел, что она, как преступник, крадется в собственную спальню, это меня потрясло.

«Джек, ты не спишь!» – воскликнула она с нервным смешком. – А я думала, тебя из пушки не разбудить». – «Где ты была?» – строго спросил я. «Я понимаю, ты удивлен, – сказала Эффи, сбрасывая плащ. Я заметил, как дрожат ее пальцы. – Со мной такое впервые. Я вдруг почувствовала, что начинаю задыхаться, и мне ужасно захотелось на свежий воздух. Я постояла пару минут у двери, и мне стало лучше».

Голос у нее был какой-то странный, и я догадался, что она говорит неправду. Я не стал ее расспрашивать и отвернулся к стене. Сердце у меня ныло, в голове роились тысячи самых скверных подозрений. Что может скрывать от меня жена? Куда она ходила? Я понял, что, пока не узнаю правды, не успокоюсь. До самого утра я не мог заснуть, придумывая самые невероятные объяснения поведения Эффи.

В тот день мне нужно было в город, но я просто не мог заставить себя думать о делах. Жена, похоже, нервничала не меньше меня. По быстрым взглядам, которые она украдкой бросала на меня, было видно, что она понимает – я не поверил ей. За завтраком мы оба молчали. Потом я вышел прогуляться, чтобы обдумать случившееся.

Я гулял недолго и вернулся в Норбери к часу дня. По дороге домой, проходя мимо соседского коттеджа, я остановился и стал всматриваться, не мелькнет ли в окне тот странный лик, который я видел вчера. Внезапно дверь дома открылась и оттуда вышла моя жена.

Я ошеломлен, но мои чувства не шли ни в какое сравнение с тем, что отразилось на ее лице, когда наши глаза встретились. В первое мгновение Эффи отшатнулась, будто хотела броситься обратно в коттедж, но, поняв, что я ее уже заметил, направилась ко мне. Она выдавила из себя улыбку, но при этом ее глаза расширились от страха.

«Джек, это ты! – воскликнула Эффи. – А я решила зайти к новым соседям спросить, не нужна ли помощь. Почему ты так смотришь на меня?» – «Вот, значит, куда ты ходила ночью», – сказал я. «Что ты говоришь?!» – вскричала Эффи. «Ты приходила сюда, я уверен. Кто эти люди? Зачем ты ходишь сюда по ночам?» – «Я никогда раньше не бывала здесь». – «Это заведомая ложь! – закричал я. – Я же чувствую, что ты меня обманываешь. Сейчас я войду туда и выясню, что здесь происходит». – «Нет, нет, Джек, ради Бога! – Она буквально задохнулась от волнения, и когда я направился к двери, отчаянно вцепилась в мой рукав. – Умоляю тебя, Джек, не делай этого!» Когда я попытался освободиться, Эффи вцепилась в меня еще сильнее и глаза ее наполнились слезами. «Поверь мне, Джек! – умоляла она. – Поверь один-единственный раз, и ты никогда не пожалеешь об этом. Ты должен знать, что если я что-то скрываю от тебя, то делаю это ради тебя! От этого зависит наша жизнь, твоя и моя. Если мы сейчас уйдем отсюда, все будет хорошо. Если ты войдешь в этот дом – между нами все кончено».

Говорила Эффи так горячо и в ее голосе было столько отчаяния, что я замер в нерешительности.

«Я поверю тебе, но при одном условии, – наконец сказал я. – Я хочу, чтобы с этой минуты все это закончилось. Если хочешь, можешь ничего не рассказывать, но ты должна обещать, что ночные прогулки прекратятся. Я прощу тебя, если ты дашь слово, что этого больше никогда не случится». – «Я знала, что ты согласишься мне! – с огромным облегчением воскликнула Эффи. – Все будет так, как ты захочешь. Скорее идем домой».

Не отпуская моего рукава, она повела меня прочь от коттеджа. Когда мы немного отошли, я оглянулся. Из верхнего окна на нас смотрело застывшее желтое лицо. Что могло быть общего между моей женой и этим существом? Я знал, что мое сердце не будет знать покоя, пока я не получу ответ.

В следующие два дня я никуда не ездил, и жена, похоже, выполняла условия нашего договора: она вообще не выходила из дому. Но на третий день я получил доказательство того, что она нарушила свое клятвенное обещание.

В тот день я поехал в город, но вернулся не тем поездом, который отправляется в три тридцать шесть, как делал обычно, а немного раньше, в два сорок. Войдя в дом, я наткнулся на служанку, которая при виде меня застыла как вкопанная.

«Где хозяйка?» – спросил я. «По-моему, ушла гулять», – дрожащим голосом проговорила она.

Я кинулся наверх, чтобы убедиться, что Эффи нет дома. Бросив случайный взгляд в окно, я заметил, что служанка, с которой я только что разговаривал, мчится напрямик через поле к коттеджу. Все сразу стало ясно: жена вновь отправилась в тот дом и попросила служанку сообщить, если я вдруг вернусь. Охваченный гневом, я бросился вниз, намереваясь раз и навсегда покончить с этим делом. Жену и служанку я встретил на проселке – они торопливо возвращались, но я даже не остановился, чтобы поговорить с ними. Ничто не могло остановить меня в ту секунду. Достигнув коттеджа, я даже не постучал. Рванул на себя дверь и ворвался в коридор.

Внизу было тихо. В кухне на огне стоял чайник, в корзине, свернувшись калачиком, спал большой черный кот. Неприветливой женщины нигде не было видно. Я вбежал в следуюшую комнату, но и там никого не было. Тогда я бросился наверх, но и там никого не нашел. Дом был пуст! Комнаты были обставлены с грубоватой простотой, и лишь одна – та, в окне которой я видел странное лицо, носила отпечаток хорошего вкуса. Там мои подозрения вспыхнули с новой силой, так как на каминной полке я увидел фотографию своей жены в полный рост. Этот снимок был сделан всего три месяца назад по моей просьбе, и здесь находилась его копия.

Я не покидал коттедж до тех пор, пока не убедился, что там действительно никого нет. Домой я вернулся с тяжелым сердцем. Никогда еще мне не было так горько. Жена ждала меня в холле, но я молча прошел мимо нее и направился в кабинет. Эффи успела войти следом, прежде чем я запер дверь.

«Джек, я нарушила обещание, – сказала она. – Но если бы ты знал все, ты бы простил меня». – «Так расскажи мне!» – закричал я. «Не могу, Джек!» – простонала она. «До тех пор, пока я не узнаю, кто живет в этом доме и кому ты подарила свою фотографию, я не могу тебе доверять», – отрезал я и покинул дом.

Это произошло вчера, мистер Холмс, с тех пор я не видел Эффи. Я так потрясен, что просто не знаю, что делать дальше. Сегодня утром мне вдруг пришло в голову, что именно вы – тот человек, который может мне помочь. Я полностью вам доверяю. Если я что-то упустил, задавайте любые вопросы. Только умоляю, скажите, что мне делать?

Мы с Холмсом слушали с огромным интересом. Мистер Мунро говорил с непередаваемым волнением. Когда он закончил, Холмс какое-то время сидел молча.

– Скажите, – наконец заговорил он, – вы уверены, что видели в окне именно человеческое лицо?

– Оба раза расстояние было довольно большим, поэтому не могу утверждать наверняка. Меня поразил его неестественный цвет и застывшее выражение. Как только я приближался, лицо тут же исчезало.

– Как давно ваша жена попросила у вас сто фунтов?

– Около двух месяцев.

– Вы когда-нибудь видели фотографию ее первого мужа?

– Нет. Вскоре после его смерти все бумаги жены сгорели в Атланте во время пожара.

– Но ведь свидетельство о смерти сохранилось, вы упомянули, что видели его.

– Это был дубликат, сделанный уже после пожара.

– Вы встречались с кем-нибудь, кто был знаком с ней в Америке?

– Нет.

– И писем оттуда она не получала?

– Никогда.

– Благодарю вас. Теперь мне нужно немного подумать. Если обитатели коттеджа сбежали, у нас могут возникнуть трудности. Но если вчера они просто на время покинули дом, так как были предупреждены о вашем приближении, мы легко во всем разберемся. Мой совет таков: возвращайтесь в Норбери и внимательно присмотритесь к окнам коттеджа. Как

только убедитесь, что его обитатели на месте, не пытайтесь проникнуть внутрь, а пошлите нам телеграмму. Мы прибудем в течение часа и покончим с этим делом.

– А если там никого нет?

– Тогда я приеду завтра, и мы с вами обсудим дальнейшие действия. Самое главное: не стоит волноваться, пока вы не уверены, что для этого есть причины.

– Боюсь, дело плохо, Ватсон, – вздохнул мой друг, закрыв дверь за мистером Мунро. – Что вы об этом думаете?

– Неприятная история, – сказал я.

– Похоже на шантаж.

– А кто, по-вашему, шантажист?

– Скорее всего, то существо, которое обитает в прилично обставленной комнате и держит на каминной полке фотографию миссис Мунро. Честное слово, Ватсон, меня очень интересует это призрачное лицо!

– У вас уже есть гипотеза?

– Да, предварительная. И я буду очень удивлен, если она не подтвердится. В коттедже обитает первый муж миссис Мунро.

– Почему вы так решили?

– Как еще объяснить ее страстное нежелание пускать туда нынешнего супруга? Дело обстоит приблизительно так. В Америке эта женщина вышла замуж. Потом с ее мужем что-то случилось – допустим, он заразился какой-нибудь жуткой болезнью или потерял рассудок. Она решает бежать от него, возвращается в Англию, изменяет имя и начинает новую жизнь, считая, что больше не о чем беспокоиться. Потом ее адрес каким-то образом становится известен первому мужу или какой-то женщине, которая намерена использовать несчастного инвалида в своих целях. Кто-то из них пишет жене Мунро письмо с угрозой раскрыть ее тайну, и та берет у мужа сто фунтов, чтобы откупиться от шантажистов. Этого недостаточно, и они все равно приезжают в Англию. Когда муж сообщает миссис Мунро, что в соседнем коттедже поселились новые обитатели, она понимает, что это те самые люди. Дождавшись, когда супруг уснет, женщина выскальзывает из дому и мчится в коттедж, чтобы уговорить шантажистов оставить ее в покое. Ничего не добившись, она возвращается туда на следующий день и, выходя из коттеджа, сталкивается с мужем. Она клянется больше туда не ходить, но желание отделаться от страшных соседей не дает ей покоя, и уже через два дня она совершает новую попытку. Возможно, по требованию шантажистов она приносит с собой фотографию. Разговор в коттедже прерывает служанка. Она сообщает, что мистер Мунро вернулся домой, и миссис Мунро, понимая, что с минуты на минуту явится он сам, выводит обитателей дома через заднюю дверь и прячет их в сосновом лесу, который находится неподалеку. Вот почему мистер Мунро никого там не нашел. Впрочем, я сильно удивлюсь, если сегодня выяснится, что дом по-прежнему пуст. Как вам моя версия?

– Все это лишь предположения.

– По крайней мере, все факты получают объяснение. Если всплывут новые подробности, у нас будет время внести поправки. А сейчас остается только ждать вестей из Норбери.

Ждать пришлось недолго. Телеграмму доставили, как только мы допили чай. «Коттедж снова обитаем, – говорилось в ней. – Опять видел в окне лицо. Буду встречать семичасовой поезд. До вашего приезда ничего не предпринимаю».

Мистер Мунро ждал нас на платформе. Как только мы вышли из вагона, он бросился к нам, и мы увидели, что он бледен и крайне взволнован.

– Они все еще там, мистер Холмс. – Мунро схватил моего друга за локоть. – По дороге сюда я видел свет в окнах.

– И что вы намерены делать? – спросил Холмс, когда мы вышли на дорогу.

– Ворвусь в дом и выясню, кто там прячется. Я бы хотел, чтобы вы при этом присутствовали как свидетели.

– И вы готовы сделать это, несмотря на слова жены, что раскрывать эту тайну не в ваших интересах?

– Да, готов.

– Ну что ж, по-моему, вы имеете на это право. Правда лучше, чем неопределенность. Сразу же поднимайтесь наверх. Конечно, наши действия идут вразрез с законом, но, думаю, игра стоит свеч.

Вечер выдался темным. Моросил дождь. С главной дороги мы свернули на узкий проселок, обсаженный густыми кустами. Мистер Мунро уверенно шагал вперед, а мы молча следовали за ним, стараясь не отставать.

– Там мой дом, – прошептал он, указывая на огонек, поблескивающий между ветвями деревьев. – А вот это коттедж, в который я собираюсь войти.

Проселочная дорога, описав дугу, вывела нас к зданию. Желтый луч, падающий на землю, указывал на то, что дверь коттеджа приоткрыта. Одно из окон на верхнем этаже было ярко освещено. Вдруг по занавеске, закрывавшей окно, скользнула тень.

– Видите! – воскликнул Мунро. – Там кто-то есть! Идите за мной, сейчас мы все узнаем.

Мы подошли к двери, но в ту же секунду откуда-то из сумрака возникла женская фигура и ступила на освещенную дорожку. В темноте я не мог видеть ее лица, но заметил, как она умоляюще сложила руки.

– Ради всего святого, не делай этого, Джек! – воскликнула она. – Я знала, что ты придешь сюда этой ночью. Доверься мне, дорогой, и тебе никогда не придется жалеть об этом.

– Я слишком долго тебе верил, Эффи! – огрызнулся Мунро. – Дай мне пройти! Я с друзьями, и мы собираемся покончить с этим раз и навсегда!

Он отодвинул жену в сторону и устремился к дому. Когда Мунро рывком распахнул дверь, навстречу ему выбежала другая женщина и попыталась загородить проход, но он оттолкнул ее, и в следующую секунду мы уже поднимались по лестнице. Наконец Мунро вбежал в освещенную комнату на втором этаже.

Это было небольшое, но уютное помещение. Его освещали две свечи на столе и две на камине. В углу, склонившись над письменным столом, сидела маленькая девочка. Лица ее не было видно, потому что, когда мы вошли в комнату, девочка смотрела в сторону, зато мы разглядели, что на ней красное платье и длинные, по локоть, белые перчатки. Когда девочка обернулась на шум, я невольно вскрикнул. Лицо ее было жуткого мертвенного цвета и казалось вылепленным из глины. Но в следующую секунду загадка разрешилась. Холмс со смехом шагнул к девочке, провел рукой у нее за ухом, маска соскочила, и нашим взглядам открылось черное как уголь лицо маленькой негрityнки. Слегка приоткрыв рот, в котором сверкали белоснежные зубки, она удивленно взидала на наши перекошенные физиономии. Мунро застыл неподвижно, вцепившись рукой в горло.

– Боже мой! – наконец вскричал он. – Что это значит?

– Я объясню. – В комнату решительно шагнула его жена. Губы ее были крепко сжаты, голова гордо поднята. – Я пыталась отговорить тебя, но ты поступил по-своему. Теперь нам предстоит решить, что делать дальше. Мой муж умер в Атланте. Но ребенок выжил.

– Твой ребенок?

Она сняла серебряный медальон, висевший у нее на шее, нажала на пружинку, и крышка медальона отскочила. Внутри оказалась фотография удивительно красивого мужчины, черты лица которого безошибочно выдавали в нем потомка африканцев.

– Это Джон Хэброн из Атланты, – сказала леди. – Я вышла за него потому, что более достойного мужчины та земля еще не видела, и, пока он был жив, ни разу не пожалела об

этом. Нам не повезло, что в нашем ребенке возобладали признаки его расы, но такое случается часто. Маленькая Люси гораздо темнее, чем ее отец. Но какой бы она ни была, темной или светлой, это моя дочурка.

При этих словах девчушка подбежала к женщине и уткнулась в ее платье.

– Я оставила ее в Америке лишь потому, – продолжала миссис Мунро, – что у нее слабое здоровье и перемена климата могла повредить ей. Я доверила Люси преданной служанке, но ни на секунду у меня и в мыслях не было отказаться от ребенка. Когда мы с тобой встретились, Джек, и я поняла, что люблю тебя, я побоялась рассказать тебе обо всем. Да простит меня Бог, я страшилась тебя потерять, и у меня не хватило мужества. Мне пришлось выбирать между тобой и ею, и я выбрала тебя. Три года я скрывала ее существование, но поддерживала связь с няней и знала, что с Люси все в порядке. Наконец я не выдержала и решила привезти ее сюда хотя бы на пару недель. Я отправила няне сто фунтов и дала ей указание снять коттедж. Из осторожности я велела ей днем не выпускать ребенка на улицу и закрывать личико и ручки Люси, чтобы по округе не поползли слухи о чернокожем ребенке. Может быть, я и в самом деле потеряла голову от страха, что ты узнаешь правду. Теперь ты знаешь все, и я спрашиваю тебя, что будет с нами, с ребенком и со мной?

Сцепив руки, миссис Мунро застыла в ожидании ответа.

Прошло не меньше десяти минут, прежде чем ее муж нарушил молчание, и мне до сих пор доставляет удовольствие вспоминать его ответ. Мунро поднял девочку, поцеловал и протянул руку жене.

– Давай поговорим об этом дома, там намного уютнее, – сказал он и повернулся к двери. – Я не идеальный человек, Эффи, но и не подлец.

Пока мы всей компанией шли по дороге, Холмс толкнул меня в бок.

– По-моему, – шепнул он, – мы нужнее в Лондоне, чем в Норбери.

Больше об этом деле он не обмолвился ни словом до позднего вечера.

– Ватсон, – обернулся Холмс ко мне, когда с зажженной свечой в руке уже открывал дверь своей спальни, – если вы когда-нибудь заметите, что я начинаю задирать нос, просто шепните мне: «Норбери». Я буду вам признателен.

Биржевой маклер

Вскоре после женитьбы я приобрел врачебную практику в Паддингтоне. Старому доктору Фаркару, у которого я ее купил, она когда-то приносила неплохой доход, но возраст и собственные хвори доктора значительно уменьшили количество его пациентов. Люди обычно скептически относятся к врачу, чьи лекарства не могут исцелить его самого. Я тогда был молод, уверен в себе и полон сил, и поэтому считал, что за пару лет сумею вновь сделать это место таким же прибыльным, как в лучшие годы.

Взяв дело в свои руки, я на три месяца с головой ушел в работу и почти не встречался с Шерлоком Холмсом. У меня просто не было времени навеститься на Бейкер-стрит, а сам он редко выходил из дому. Поэтому я был немало удивлен, когда одним июньским утром, усевшись после завтрака почитать «Британский медицинский журнал», услышал звяканье дверного колокольчика и высокий, немного скрипучий голос моего старого друга.

– Ватсон, дружище, – проговорил Холмс, шагнув в комнату. – Как я рад вас видеть! Полагаю, миссис Ватсон в добром здравии?

– Спасибо, мы оба прекрасно себя чувствуем, – сказал я, пожимая его руку.

– И надеюсь, – продолжил он, усаживаясь в кресло-качалку, – с вашей медицинской практикой вы не утратили интереса к загадкам.

– Наоборот! – воскликнул я. – Вот только вчера вечером я приводил в порядок старые записи.

– А что, если я предложу вам пополнить вашу коллекцию историй прямо сегодня?

– С удовольствием!

– А как же ваша практика?

– Я иногда подменяю соседа-врача, когда ему нужно куда-нибудь уехать. Он будет рад вернуть долг.

– Отлично! – воскликнул Холмс, откинувшись на спинку кресла и стал внимательно меня разглядывать. – Вижу, вам недавно нездоровилось. Простуда, да еще летом, всегда изматывает.

– Действительно, на прошлой неделе я три дня провалялся дома с температурой. Однако я думал, что болезнь прошла без следа.

– Вы и в самом деле выглядите совершенно здоровым и полным сил.

– Как же вы догадались?

– Дружище, не мне вам рассказывать о моих методах.

– Логическая цепочка?

– Именно. И начал я с ваших домашних туфель.

Я с недоумением уставился на новые домашние туфли из лакированной кожи.

– Но как вам удалось...

– Туфли новые, – опередил меня Холмс. – Скорее всего, вы купили их пару недель назад. Подошвы, которые вы выставили напоказ, слегка обожжены. Сначала я решил, что они промокли, а затем поджарились в сушилке, но потом заметил под каблуком бумажный ярлычок с маркой торговца. От влаги ярлычок наверняка отклеился бы. Следовательно, вы сидели у камина, вытянув ноги к самому огню, а здоровый человек летом никогда не стал бы этого делать.

Как всегда, после объяснений цепь умозаключений Холмса показалась удивительно простой. Уловив мою мысль, он с напускным огорчением вздохнул.

– Пора бы мне отделаться от привычки все объяснять, – сказал он. – Готовые выводы без всяких объяснений производят куда большее впечатление. Итак, вы готовы ехать со мной в Бирмингем?

– Конечно. Расскажите о деле.

– Все узнаете в поезде. Клиент ждет меня на улице в экипаже.

– Одну секунду. – Я черкнул записку соседу-врачу, сбежал наверх объяснить жене, что случилось, и догнал Холмса, когда он уже усаживался в кеб.

Мой друг представил меня джентльмену, сидевшему в кебе. Мистер Холл Пикрофт оказался хорошо сложенным юношей с открытым лицом и тонкими светлыми усиками. На нем красовался цилиндр, а костюм был черным, строгого покроя, что выдавало в мистере Пикрофте завсегдатая Сити. Наверняка он принадлежал к тому слою молодых людей, которые носят пренебрежительное прозвище «кокни», хотя именно они являются лучшими атлетами и спортсменами на Британских островах. Круглое румяное лицо дышало энергией и задором, только уголки рта, как мне показалось, немного опущены. О том, что привело мистера Пикрофта к Шерлоку Холмсу, я узнал лишь тогда, когда поезд тронулся.

– Ехать нам чуть больше часа, – заметил Холмс. – Я хочу, чтобы вы, мистер Пикрофт, повторили для моего друга историю, которая случилась с вами. Еще лучше, если вы припомните дополнительные подробности. Ватсон, я пока не могу сказать, украсит это дело вашу коллекцию или наоборот, но, по крайней мере, в нем есть необычные, даже шокирующие детали, которые вам всегда были по вкусу. Прошу, мистер Пикрофт, больше я не стану вас прерывать.

– Самое плохое в этой истории то, – начал наш попутчик, – что я выставил себя круглым идиотом. Конечно, по-другому я поступить не мог, но, если я лишусь кормушки и ничего не получу взамен, вот тогда и останусь окончательным ослом. Я неважный рассказчик, доктор Ватсон, но докладываю все, как было.

Служил я маклером в биржевой конторе «Коксон-энд-Вудхаус» в Дрейперс-гарденс, но весной этого года, когда лопнул венесуэльский заем, фирма вылетела в трубу. Проработал я там пять лет. Старик Коксон написал мне просто потрясающую рекомендацию, но меня, как и всех прочих служащих, уволили. Я потыкался по разным местам, но сейчас безработных маклеров пруд пруди, поэтому свободного места не нашлось. У Коксона я зарабатывал три фунта в неделю и отложил на черный день семьдесят фунтов, но деньги эти скоро закончились, не за что было даже марок и конвертов купить, чтобы рассылать письма по объявлениям. Я стоптал последние башмаки, обивая пороги всяческих контор, но так ничего и не нашел.

Наконец я узнал, что есть свободное место в «Моусон-энд-Вилльямс», большой фирме на Ломбард-стрит. Поверьте, это одно из самых богатых заведений подобного рода во всем Лондоне. В объявлении было сказано, что рассматриваются только заявления, присланные по почте. Ну, я и послал свою рекомендацию, хотя даже не надеялся получить ответ. Однако ответ пришел. В нем было сказано, что если я явлюсь в следующий понедельник, то смогу немедленно приступить к исполнению своих обязанностей при условии, что их устроит мой внешний вид. В общем, на этот раз мне повезло, и я был на седьмом небе от счастья. Жалованье там было даже на фунт выше, чем у Коксона, а обязанности те же.

Тут начинается самое странное. Проживаю я в квартирке на Поттерс-террас, это около Хампстеда. В тот вечер, когда я получил это письмо, сижу я, покурываю, и тут стучится хозяйка пансиона с визиткой, на которой написано: «Артур Пиннер. Финансовый агент». Человека с таким именем я не знал, но все равно попросил хозяйку проводить его ко мне. Это оказался темноволосый мужчина среднего роста с черной бородой и лоснящимся носом. Он был суетливый, говорил быстро, как человек, знающий цену времени.

«Мистер Холл Пикрофт?» – спросил он. «Да, сэр», – сказал я и придвинул ему стул. «Преыдущее место работы – «Коксон-энд-Вудхаус»?» – «Да, сэр». – «А теперь числитесь в штате Моусона?» – «Верно». – «Что ж, – сказал он. – Дело в том, что до меня дошли

поразительные рассказы о ваших дарованиях. Помните Паркера, бывшего управляющего Коксона? Он постоянно вас вспоминает».

Слышать такое приятно. В конторе меня ценили, но я и не подозревал, что обо мне ходят разговоры.

«У вас хорошая память?» – спросил Пиннер. «Обычная», – скромно ответил я. «После увольнения вы занимались финансовой деятельностью?» – продолжал он расспросы. – «Следил за сводками с фондовых бирж». – «Сразу видно настоящего маклера! – воскликнул он. – Не возражаете, если я устрою вам небольшую проверку? Ну-ка – курс эйрширских акций?» – «Сто шесть с четвертью – сто пять и семь восьмых». – «А новозеландские объединенные?» – «Сто четыре». – «Поразительно! – закричал Артур Пиннер, всплеснув руками. – Все так, как мне и рассказывали. Мальчик мой, вы слишком хороши, чтобы работать простым маклером у Моусона!»

Я только рот разинул.

«Знаете, – пробормотал я, – я потратил массу сил, чтобы найти место, и мне не хотелось бы от него отказываться». – «Дружище, да с вашими-то способностями это все равно что палить из пушки по воробьям! Мое предложение, конечно, может показаться скромным, но если сравнить его с тем, что вы будете иметь у Моусона, это небо и земля. Вам когда назначено?» – «В понедельник». – «Думаю, вы туда не пойдете». – «Не пойду?» – «Да, сэр. К тому времени вы уже будете исполнять должность коммерческого директора «Франко-Мидлэндской компании скобяных изделий», имеющей сто тридцать четыре отделения в городах и селах Франции».

У меня дыхание перехватило.

«Никогда о такой не слышал», – сказал я. «Неудивительно. Компания не кричит о своих успехах на каждом углу, потому что ее уставной капитал сформирован из частных вкладов, и теперь она приносит слишком хороший доход, чтобы допускать посторонних. Мой брат, Гарри Пиннер, – один из учредителей. Зная, что я собираюсь возвращаться в Лондон, он попросил подыскать хорошего специалиста. Мы можем предложить вам всего пятьсот фунтов в год, но это только начало».

Я не поверил своим ушам.

«Пятьсот фунтов в год!» – «Дополнительно вы будете иметь один процент с каждой сделки, заключенной вашими агентами, а это, можете поверить, выльется в сумму куда большую». – «Но я же ничего не смыслю в скобяных изделиях». – «Какая разница, ведь вы – прекрасный финансист».

У меня голова шла кругом, но я все-таки засомневался.

«Буду с вами откровенен, – сказал я. – У Моусона мне обещали всего двести фунтов, но это – фирма известная, с хорошей репутацией, а о ваших франко-мидлэндских изделиях я знаю так мало, что...» – «Молодец! – закричал Артур Пиннер и чуть не полез обниматься. – Вы – именно тот человек, который нам нужен! Сразу видно хватку. Вот сто фунтов, и если мы договорились, забирайте их в качестве аванса». – «Прекрасно, – сказал я. – Когда приступить к работе?» – «Завтра в час будьте в Бирмингеме, – сказал он. – Вот записка, отдадите ее моему брату. Найдете его по адресу Корпорейшн-стрит, 126б, там компания временно снимает помещение. – «Мистер Пиннер, у меня нет слов, чтобы выразить свою признательность», – сказал я. – «Не стоит, мальчик мой. Вы этого заслуживаете. Осталось уладить мелкие формальности. Вот лист бумаги, будьте добры, напишите «Согласен исполнять обязанности коммерческого директора компании с ограниченной ответственностью «Франко-Мидлэндские скобяные изделия» с минимальным жалованьем 500 фунтов стерлингов в год»».

Я сделал то, что просил мистер Пиннер, и он спрятал бумагу в карман.

«И еще кое-что, – сказал он. – Как вы поступите с Моусоном?»

На радостях я и думать забыл о Моусоне.

«Пошлю им письменный отказ», – ответил я. «Как раз этого делать не следует. У меня из-за вас вышел спор с их менеджером. Когда я начал расспрашивать его о вас, он обвинил меня в том, что я хочу переманить у них специалиста. Тогда я тоже слегка вспылil. «Хотите иметь хороших работников, платите им достойные деньги!» – заявил я ему. «Он скорее согласится на нашу маленькую ставку, чем на вашу большую», – заявил он мне в ответ. «Ставлю пять фунтов, – сказал тогда я, – что, когда он узнает о моем предложении, вы от него больше ни звука не услышите». “Принято, – сказал он. – Мы вытащили его из сточной канавы, поэтому просто так он от нас не откажется”. Так и выразился». – «Каков мерзавец! – возмутился я. – Не буду я им ничего писать, если вы так советуете». – «Значит, обещаете не писать? Прекрасно! – сказал Артур Пиннер, вставая. – Так не забудьте, вам назначено завтра на час дня. Удачи вам».

Вот и весь разговор. Можете себе представить, доктор, как я обрадовался такой удаче. Я полночи не спал и наутро первым же поездом отправился в Бирмингем. Вещи я оставил в гостинице на Нью-стрит и отправился по указанному адресу.

Явился я за четверть часа до назначенного времени, но подумал, что беды в том нет. Дом 126б был зажат между двумя большими магазинами. Войдя, я увидел винтовую лестницу и множество квартир, сдаваемых под конторы и кабинеты. Внизу висел список всех, кто снимает помещения, но «Франко-Мидландской компании скобяных изделий» там не было. Я обомлел – неужели меня надули, но тут ко мне подошел человек, очень похожий на Артура Пиннера: та же фигура, такой же голос, только волосы у него были немного светлее.

«Вы мистер Холл Пикрофт?» – обратился он ко мне. «Да», – ответил я. – «Вас-то я и жду, но вы прибыли раньше назначенного времени. Сегодня утром я получил письмо от брата, он прямо-таки дифирамбы вам поет». – «А я как раз искал ваш кабинет». – «Нас пока нет в списке, потому что мы только на прошлой неделе сняли помещение. Идемте со мной, все обсудим наверху».

Мы взобрались по длинной лестнице под самую крышу. Там было несколько пустых маленьких комнаток, пыльных, без ковров и занавесок. Я-то вообразил себе просторный зал со сверкающими столами и целой тучей клерков, а там из мебели были два стула, маленький столик да мусорная корзина. На столе лежали счета. Я, признаться, несколько растерялся.

«Не удивляйтесь, мистер Пикрофт, – сказал мой новый знакомец, – Рим строился не за один день. Денег у нашей компании хватает, но мы предпочитаем тратить их не на содержание роскошных кабинетов. Садитесь. Записка от брата при вас?»

Я вручил ему записку, и он внимательно ее прочитал.

«Вы, похоже, просто поразили Артура, – произнес Гарри Пиннер. – А он, надо сказать, придирчив. И я, пожалуй, прислушаюсь к его совету. Можете считать, что вы приняты». – «Что входит в мои обязанности?» – спросил я. «Вы возглавите новое отделение в Париже, которое будет заниматься поставками английской посуды в магазины наших ста тридцати четырех агентов во Франции. Договор будет подписан в течение недели. Пока оставайтесь в Бирмингеме, займетесь делом». – «Каким?»

Он достал из ящика стола толстый том в красной обложке.

«Это адресная книга Парижа, – сказал он. – Возле каждой фамилии указан род занятий. Выпишите имена и адреса всех торговцев скобяными изделиями». – «Но ведь существуют специализированные справочники. Может, стоит поискать один из них?» – предложил я. «Они недостаточно надежны. Сделайте то, о чем я вас прошу. Результаты представьте мне в понедельник к полудню. Всего доброго, мистер Пикрофт. Полагаю, вас ждет большое будущее в нашей компании».

Я вернулся в гостиницу с книгой под мышкой и массой сомнений в душе. С одной стороны, я был принят на работу, в кармане лежало сто фунтов, но у меня осталось неважное

впечатление о моих работодателях. Но я решил: будь что будет – и принялся за работу. Все воскресенье я провозился со справочником, но к понедельнику дошел только до буквы «Н». Я пошел к своему новому начальнику, который сидел все в той же пустой комнате, и получил указание продолжать работу до среды и явиться снова. К среде я не уложился и получил отсрочку до пятницы, то есть до вчерашнего дня. В пятницу я сдал мистеру Гарри Пиннеру работу полностью.

«Большое спасибо, – сказал он. – Этот список будет мне очень полезен». – «Да, с ним пришлось повозиться», – сказал я. «Теперь я хочу, чтобы вы составили перечень мебельных магазинов. В них также торгуют посудой». – «Хорошо». – «И зайдите ко мне завтра около семи, расскажете, как продвигается дело. Только не переусердствуйте. Поработаете, а вечером сходите в мюзик-холл».

Он усмехнулся, и я заметил, что на втором зубе слева у него стоит большая золотая пломба.

Шерлок Холмс потер руки, а я удивленно уставился на нашего клиента.

– Понимаете, доктор Ватсон, – пояснил он. – Когда мы разговаривали с тем типом в Лондоне, у него во рту я видел точно такую же пломбу на том же самом зубе. Эти двое отличались друг от друга лишь тем, что можно изменить с помощью бритвы или парика, а фигура и голос у них одинаковые. В общем, я понял, что это один и тот же человек. Потом он выпроводил меня из конторы, и я вышел на улицу в полной растерянности.

Я вернулся в гостиницу, сунул голову под кран и попытался понять, что происходит. Зачем он отправил меня из Лондона в Бирмингем? Зачем приехал туда сам? Для чего ему понадобилось писать письмо самому себе? Бессмыслица какая-то! Но потом меня вдруг осенило, что загадка, которая не по плечу мне, для мистера Шерлока Холмса – пара пустяков. Вечером я сел в поезд, утром приехал в Лондон, и теперь вместе с вами, джентльмены, возвращаюсь в Бирмингем.

Когда маклер закончил эту удивительную историю, в купе ненадолго воцарилось молчание. Потом Шерлок Холмс откинулся на мягкую спинку сиденья и с выражением гурмана, сделавшего первый глоток редкого вина, покосился на меня.

– Любопытно, правда, Ватсон? – сказал он. – Думаю, вы согласитесь, что разговор с мистером Артуром-Гарри Пиннером в конторе компании «Франко-Мидландских скобяных изделий» будет интересен нам обоим.

– Но как это устроить?

– Очень просто, – вмешался в разговор Холл Пикрофт. – Вы – мои друзья и ищете работу. Будет вполне естественно, если я приведу вас к исполнительному директору.

– Согласен, – кивнул Холмс. – Хотелось лично взглянуть на этого господина и попытаться понять, какую игру он затеял. Друг мой, скажите, чем еще вы могли привлечь к себе его внимание? Или, может быть... – Тут он умолк и просидел до Бирмингема, с отсутствующим видом глядя в окно. Мы снова услышали его голос только на Нью-стрит.

Около семи вечера мы втроем стояли на Корпорейшн-стрит.

– Нет смысла подниматься раньше времени, – сказал наш клиент. – Он явно приходит туда только для того, чтобы встретиться со мной. Мы никого там не застанем... О, смотрите! – вдруг воскликнул Пикрофт. – Вот он идет.

Он указал на приземистого мужчину в добротном костюме, который шагал по противоположной стороне улицы. Заметив мальчика, продающего свежий выпуск вечерней газеты, мужчина перебежал через улицу, ловко лавируя между кебами, купил газету и скрылся в дверях.

– Что я вам говорил! – просиял наш клиент. – В доме, куда он вошел, как раз и располагается контора. Идите за мной!

Следуя за ним, мы поднялись на пятый этаж и остановились у приоткрытой двери. Пикрофт постучал, и мы перешагнули порог пустой комнаты – точно такой, как описывал наш клиент. За единственным столом сидел мужчина, за которым мы наблюдали на улице. Перед ним лежала раскрытая газета. Но когда он поднял на нас взгляд, я увидел глаза, наполненные невыразимой скорбью и – ужасом. Таким ужасом, словно для него настала роковая минута. Лоб мужчины блестел от пота, а вытаращенные глаза безумно бегали. Он взглянул на своего работника так, словно видел впервые в жизни, и по изумленному лицу нашего спутника я понял, что происходит что-то необычное.

– Что с вами, мистер Пиннер? – вскричал Холл Пикрофт. – Вам нездоровится?
– Да, что-то мне нехорошо. – Мужчина облизал пересохшие губы. Ему едва удалось взять себя в руки. – Что это за господа с вами?

– Это мистер Харрис из Бэрмендси, а это мистер Прайс, он местный, из Бирмингема. Они мои друзья, опытные специалисты, но не так давно остались без работы и надеются, что, может быть, у вас отыщется вакантное место.

– Очень может быть, очень может быть. – По лицу мистера Пиннера скользнула странная усмешка. – Чем вы занимаетесь, мистер Харрис?

– Я – бухгалтер, – сказал Холмс.

– Неплохо, нам как раз нужны толковые бухгалтеры. А вы, мистер Прайс?

– Я – маклер.

– Что ж, я думаю, мы сможем устроить вас в нашей компании. Я вас тут же извещу. А теперь, прошу вас, оставьте меня. Черт побери, да уходите же!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.